

СЕРГЕЙ ШЕСТАК
И ВСЕ ДЕЛА

Сергей Шестаков И ВСЕ ДЕЛА. рассказы, повести

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39411136

ISBN 9785449375643

Аннотация

Герои новой книги Сергея Шестакова – люди труда, рядовые советские граждане, солдаты срочной службы. В повестях «И все дела», «Ненюхая история» живо и увлекательно, то с юмором, то с нотой грусти, рассказывается о буднях коллектива телевизионного завода в сложный период перестройки. Звучат важные и сегодня мотивы наставничества, профессиональной подготовки молодых рабочих. Солдатская служба в Советской Армии предстает перед читателем в цикле рассказов «По казённой надобности».

Содержание

НЕЛЁТНАЯ ПОГОДА	5
СПЕКУЛЯНТ	22
В БОГАТОМ КРАЮ	32
ВАЛЕРА И ЕГО ЖЕНА	47
ЛЮБИМАЯ ТЕРРИТОРИЯ	56
ИЗ РАЗНЫХ ГОРОДОВ	70
НЕСЧАСТЛИВАЯ РАБОТА	84
НЕГАРАНТИЙНЫЙ СЛУЧАЙ	93
КОЛЛЕКЦИЯ ИСТОРИЙ	99
ОДНАЖДЫ В ТУРЛАГЕРЕ	110
НЕНАСТЬЕ	135
ПОЛНОЦЕННЫЙ ОТДЫХ	143
СМЕНА ОБСТАНОВКИ	150
СИНЯЯ СОПКА	159
Конец ознакомительного фрагмента.	176

И ВСЕ ДЕЛА **рассказы, повести**

Сергей Шестак

Дизайнер обложки Владимир Фуфачев

© Сергей Шестак, 2018

© Владимир Фуфачев, дизайн обложки, 2018

ISBN 978-5-4493-7564-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

НЕЛЁТНАЯ ПОГОДА

1

Был прилив, – и широкая, тёмная река, впадающая в море, плескаясь беспорядочными волнами, текла вспять: рыбацкая сеть, обозначенная жёлто-белыми поплавками, выгнулась в другую сторону, – противоположную течению. Устье реки было относительно рядом, – обозначалось вдали мало заметной прогалиной между каменистой протяжённой косой и голой волнообразной сопкой.

Море дышало на берег клочковатым белым туманом. Холодный, непроглядный туман наваливался, цеплялся за тёмную, стылую реку, мокрые, скользкие камни, оставлял на нашей одежде крупные прозрачные капли. Эти капли были настолько большими, что казались следствием какого-то загадочного, необъяснимого явления. Ветер гнал туман на посёлок. А перед нами опять открывалось каменистая коса, отделяющая реку от моря, серое небо с просветами синевы.

– Нет, сегодня вертолёта не будет, – озираясь на посёлок, сказал Анатолий Сергеевич, седой мужчина пенсионного возраста, с которым мы сидел на доске на тёмном галечном берегу реки. – Не будет сегодня вертолёта!

Туман полностью скрыл посёлок и вертолётную площадку. Парила над ними высокая округлая сопка, с густой зелёной травой на пологих склонах и редкой жёлтой травой, ка-

менистыми плешинами на вершине.

– Ещё недельку подождёте, – уверенно сказал Валера Грехихин, в камуфляжных куртке и штанах, правя тонкий кухонный нож наждачным камнем.

Вертолёт нет уже десять дней. Сначала я ждал его обострённо, нетерпеливо, а теперь смирился. Не ожидал я, что застряну здесь, в Хатырке, маленьком посёлке на восточном побережье Чукотки. Виной тому погода и лётчики. Есть погода в Беринговском, посёлке на берегу Анадырского залива, откуда должен прилететь вертолёт, нет – в Хатырке. Есть – в Хатырке, нет – в Беринговском. Есть погода в Беринговском и Хатырке, нет – в Мейныпильгыне, на перевале, через который летит вертолёт. Наконец, есть погода везде, а вертолёт всё равно не прилетел: как позже выяснилось, запил один из лётчиков.

Когда я прилетел сюда, к вертолёту прибежало, наверное, человек тридцать – и дети, и взрослые. Такое внимание мне показалось странным. Раньше так бегали смотреть на первые самолёты. Теперь я понял, почему они прибежали! Позавчера был замечательный, солнечный день. В Беринговском, естественно, погоды не было. И вдруг вертолёт прилетел! Опять у вертолёта собралась толпа. Я прибежал одним из первых, вспотевший, с тяжёлой дорожной сумкой, «дипломатом». Это был санитарный рейс. Лётчики забрали из больницы женщину. Они больше никого не взяли. Они не имели права ещё кого-нибудь взять.

В размеренный плеск реки вплетался приглушённый рокот прибоя: реку и море разделяла длинная, узкая коса. Было сыро, свежо; пахло водой, рыбой, водорослями.

Валера сел в резиновую лодку и, цепляясь за верёвку, к которой были привязаны поплавки, начал проверять улов. Серебристые горбуша и кета, тёмно-коричневая камбала, похожая на сковородку с ручкой, застряли головами в ячейках и были, как на витрине. Пучки тёмно-зелёных водорослей, которые тоже были на сетке, он выбрасывал за лодку, по ходу течения, чтобы они опять не осели на сеть. Выбросил так же всю камбалу, – четыре крупных рыбины!

Я впервые здесь попробовал уху, пельмени из свежего лосося, который только что из реки. Никогда не думал, что это так вкусно. Камбала тоже была замечательной рыбой. Но её вкус и аромат уступали лососю.

Валера шкерила рыбу здесь же, на берегу, – дольки с красной крупной икрой складывал в трёхлитровую банку; позвоночник, внутренности кидал чайкам, которые заглатывали их, испачканные песком, с дракой, криком, жадностью.

В соседнюю сеть врезалось несколько рыбин, отчаянно заплескались, пытаясь высвободиться. Хозяина сетки не было: он ушёл куда-то. Не успели рыбины утихомириться, как сеть опять заходила от ударов: врезалось ещё несколько рыбин. С замешательством посмотрев на эту сеть, Валера сказал:

– В прошлом году я прилетел в Беринговский в конце октября. Думал, успею домой к ноябрьским праздникам, – при-

летел домой после нового года! Сначала не было погоды, потом вертолёт улетел на профилактику. Я жил в гостинице два месяца!

– Хватит о грустном, – попросил Анатолий Сергеевич: ему надо домой. А его дом был на другом краю страны – в Крыму. Он работал в бригаде, строившей водовод, но не выдержал сырой, холодной погоды, обеднённого кислородом воздуха. Грузный, мягкий, он задышался, надсадно кашлял.

Рядом с нами рыбачили матросы с «угольщика», снабжённого судна, привёзшего для посёлка уголь. Рыбачили два специалиста из Магадана, мои соседи по общежитию, налаживающие здесь холодильное оборудование. Ниже по течению рыбачили несколько местных мужиков. Ещё рыбачили совхозные, штатные рыбаки. Короче говоря, на реке было многолюдно.

Я запасся икрой несколько дней назад – самым неожиданным образом. Ко мне в общежитие пришёл Коля, грузчик из магазина, и сказал, что мне надо получить у Клавдии Ивановны, начальника торгово-закупочного пункта, бутылку водки и бутылку вина, – месячную норму спиртного на одного человека. «А мне, разве, дадут? – возразил я. – И потом, я не пью». – «Мне отдашь! – повеселел он. – Я тебе банка икры дам!» У меня была бутылка коньяка, презент за отремонтированный телевизор в Беринговском. Я думал, что он принесёт литровую банку икры, – так здесь меняли; он принёс –

двухлитровую! Я отдал ему коньяк и ощутил себя безнравственным, хищным купцом, ограбившим доверчивого аборигена. Он вернулся через полчаса совершенно пьяный. Сел за стол напротив меня и сказал с неожиданной обидой, что если бы не Россия, Чукотка была бы сейчас 51 штатом Америки! Его товарищ общался с эскимосами с Аляски, – рассказывал, как они живут. Получилось, как в анекдоте. Сидит чукча на берегу моря: «Я не за то ругаю русского царя, что он Аляску продал. Я ругаю его за то, что он Чукотку не продал». Коля поднял на меня отяжелевшие раскосые глаза: «Давай ещё бутылка. Я тебе сколько икры дал?» – «У меня больше нет». – «Есть у Клавди Ивановны», – хитро улыбнулся он.

Нерпа высунула из воды гладкую мордочку, – рядом с берегом, казалось, до нерпы можно дотянуться рукой, – с любопытством посмотрела на нас своими чёрными глазками. Я привык к нерпам и уже не удивлялся.

– Они любят слушать музыку, – сообщил Валера. – Я однажды слушал радио, так она не уплыла, пока не закончилась музыка.

Нерпа нырнула, и через мгновение сильно заколыхалась сеть, хозяин которой ушёл куда-то. Валера вдруг сказал что-то непонятно, отрывисто мальчику, лет семи, смуглому, с раскосыми глазами, – сказал по-чукотски! Он знал этот язык. Он несколько лет пас с чукчами оленей! Мальчик сразу запрыгнул в резиновую лодку, оттолкнулся веслом и оказался у жёлто-белых поплавок.

– Вот же каналья! – ругал Валера нерпу, которая полакомилась рыбой, пойманной сетью. – Думаешь, она съест её? Как бы не так! Выгрызет икру и всё!

Вытаскивая рыбу из сети, мальчик потерял равновесие, клюнул в воду, край лодки поднялся под его тяжестью.

– Осторожно! – заорали мужики. – Ты что?!

Мальчик удержался, посмотрел на нас, с мокрыми по плечи руками, и весело засмеялся.

– Такие не тонут, – сказал Валера. – Они здесь выросли.

Ветер переменял направление, – подул с материка, и погода сразу улучшилась: туман исчез, обозначился горизонт.

Анатолий Сергеевич поднялся с доски, тяжёлый, грузный.

– А не пора ли нам пообедать? – сказал он.

Дома посёлка были низкие, одноэтажные, за исключением сельсовета, двухэтажного деревянного здания. Наверное, у каждого дома сушились на колышках рыбацкие сети, и вялилась рыба – на высоких наклонных сушилках. Рыба и сети были кругом! Другой достопримечательностью посёлка были бесхозные двухсотлитровые бочки, – между домов, в овраге, за посёлком – новые, в отличном состоянии, и старые, рыжие, съеденные ржавчиной. Я принял их сначала за красные, огнеупорные кирпичи, – когда подлетал на вертолёте к поселку. Подумал, зачем их разбросали? А потом до меня дошло, что это не кирпичи, что с такой высоты кирпичи не увидишь!

– Наступил на гвоздь, так типеря кыждый кымушек чуй-

ствую, – вдруг сказал Анатолий Сергеевич.

Столовая оказалась почему-то закрытой.

– Здесь, может быть, и Советской власти нету, – с подозрением сказал Анатолий Сергеевич. – Я, например, не уверен. И деньги есть. Всё. А поесть негде!

Мы зашли в продуктовый магазин. Я купил банку сгущённого молока, Анатолий Сергеевич – три баночки пюре из яблок и моркови. «Для детей старше трёх месяцев» – было написано на этикетке.

– Это, кстати, для детей, – сказал я.

– А я сам ещё ребёнок. Жеребёнок.

2

Я решил позвонить Лене, молодой женщине, жившей в «горбатом» доме, самом длинном в посёлке, рассчитанном на несколько семей. Строители намудрили с фундаментом, и дом осел таким образом, что со стороны выглядел «горбатым». Лена обещала показать Танюше, четырёхлетней дочке, «китовое кладбище». Несколько лет тому назад в реку заплыл кит, но не смог выбраться и погиб. Его останки лежали на берегу реки, рядом с морем. Лена предложила мне сходить на «китовое кладбище» вместе с ними, если будет погода. Погода была хорошая.

Телефон был в коридоре общежития. Я набрал номер и нетерпеливо стал ждать соединения, предвкушая удовольствие от общения с Леной.

Мы познакомились в аэропорту Домодедово. Я ждал посадку на самолёт в «отстойнике», длинном здании, с обеих сторон которого стояли авиалайнеры. Объявилась сопровождающая. Все пошли одновременно, как всегда бывает в таких случаях. Я не тронулся с места: мне не хотелось толкаться у двери. И вдруг я увидел Лену с дочкой. Она держала дочку за руку, в другой руке у неё была большая сумка. Я сам не заметил того, как оказался рядом с ними, и предложил помощь носильщика. Она была в светлом лёгком платье; с короткими волосами, осветлённых солнцем, загоревшая. Я не мог пройти мимо такой женщины! Наши места оказались в разных салонах: у неё был первый салон. Ил-62 летел до Анадыря восемь часов без промежуточной посадки. Ходить из одного салона в другой было запрещено. У меня было предчувствие, что за эти восемь часов её обязательно найдёт другой мужчина. И точно! Второй салон выходил после первого. Я увидел их из окна, – Лену, в плаще, туфлях, Танюшу, в куртке, шапочке, и мужика, который нёс их сумку и говорил что-то Лене, жестикулируя. Здесь было холоднее, чем в Москве – всего восемь градусов! Меня утешало то, что я увидел её в последний раз, как я тогда думал.

Я летел дальше – в посёлок Беринговский. Рейс в Беринговский был завтра. Я поселился в гостиницу аэропорта. А утром в столовой опять увидел Лену. «Слушай, ты куда летишь?» – спросил я. Она могла лететь куда угодно – в Эгвекинот, Иультин, Лаврентия. Она ответила: «В Берин-

говский». – «Да? – удивился я. – Я тоже в Беринговский!» Мне было приятно, что наше знакомство продолжится. Очевидно, это отразилось на моём лице. Она насмешливо посмотрела на меня, как на игрока, который радуется выигрышу преждевременно: «А мне ещё дальше, – в Хатырку». Название этого поселка мне ничего не сказало. Тогда я не знал, что я тоже приеду в Хатырку.

Посёлок Беринговский оказался невзрачным, деревянным, одноэтажным. Гостиница находилась в посёлке Нагорный, который располагался в нескольких километрах от Беринговского, на возвышенности, напоминал город в миниатюре – с административными зданиями, кинотеатром, разнообразными магазинами, благоустроенными высокими каменными домами.

Обращал на себя внимание грубый скупой ландшафт – волнообразные сопки, покрытых травой, мхом, лишайником, с каменистыми плешинами. Мы не знали, на чём доехать до гостиницы. Разница во времени с Москвой была девять часов. Здесь был день. А в Москве – ночь. Я никак не мог перестроиться: хотелось спать. Отсутствие ночи тоже входило в общий букет впечатлений. Мне нравилось заботиться о Лене, Танюше, преодолевать трудности, какими бы пустяковыми они не были. Я не замечал тяжести дорожной сумки Лены.

Архитектура гостиницы оказалась странная: большой, квадратный холл, с номерами по периметру. Администратор

сказала, что женские номера заняты, и предложила нам четырёхместный номер, в котором живёт мужчина.

– Нет, нет, – отказалась Лена.

– Но почему? Вы же с мужем. – Она решила, что я муж Лены и посмотрела на неё с недоумением.

– Это не муж.

– Я её брат, – сказал я.

– Тем более, с братом.

– А как мне позвонить в Хатырку? – спросила Лена.

До Хатырки было двести пятьдесят километров. Она позвонила туда, своей матери, всего за две копейки, с телефона-автомата. По городскому тарифу!

У её матери были знакомые, у которых были знакомые в Нагорном. И уже очень скоро в гостиницу пришла пожилая женщина – за Леной, Танюшей, чтобы они переночевали у неё. Я опять взял сумку Лены. Я не мог не проводить её.

Дом, в котором жила женщина, находился рядом с гостиницей.

– Кто к нам пришёл? Какие гости! – радостно сказал муж женщины, выйдя из комнаты к нам в коридор. – Вас, как зовут?.. Алексей? Очень приятно. Замечательно. А вас как?.. Леночка? Чудесно. А это кто? Это кто такая? А? Иди сюда, иди! – сказал он Танюше, которая пряталась за Лену.

Его радушие мне показалось чрезмерным. Я внимательно посмотрел на него. И вдруг понял, что он пьяный. А следом на меня пахнуло перегаром.

– Да, ребята, я выпил, – вдруг признался мужчина. – А разве нельзя выпить человеку, который в отпуску? Я считаю, что можно!

– Вы не обращайтесь на него внимания, – посоветовала женщина. – Он был у товарища на свадьбе. Такое иногда болтает. Что мне восемьдесят лет, и вообще.

Нас усадили за стол ужинать: отказываться было бесполезно. Поставили перед нами тарелку с жареным палтусом, литровую банку красной икры.

– Мало взял, – сказала женщина, увидев, что я скромно зачерпнул икры кончиком чайной ложки. – Вот как надо! – она богато зачерпнула икру столовой ложкой.

– Спасибо вам, ребята, спасибо, ага, – говорил мужчина. – Чтоб долго жили вы. Спасибо. И чтоб счастья. Саша, – он обратился ко мне, – ты ешь, давай, ешь. Мать? Достань салца нашего! Спасибо вам, ага. И чтоб счастья. Саша...

– Его зовут Алексей, – напомнила женщина.

– Алексей? – удивился мужчина и посмотрел на Танюшу: – Какая славная девочка. А у нас двое. Да, мать? У нас двое детей?

– А вы давно приехали сюда? – спросил я.

– В семидесятом году. Или когда? – усомнился он. – Значит, так. Я женился в тридцать лет, двадцать девять, двадцать восемь – в двадцать семь. А жене уже тогда было сорок.

– Хватит болтать!

– Чего? Тебе уже семьдесят три!

Утром я проводил Лену в аэропорт. Объявили посадку на вертолёт. Посмотрев на меня внимательно, Лена вдруг дала мне номер телефона в Хатырке и попросила позвонить.

О том, что мне надо в Хатырку, я узнал через несколько дней в конторе Беринговского смешторга, организации, по телеграмме которой я прилетел сюда. Торгово-закупочный пункт в Хатырке входил в торговое объединение Беринговского смешторга.

Нас было двадцать человек, пассажиров вертолета Ми-8, – жители Хатырки, несколько геологов, которые везли ящики с запчастями для буровой установки, туристы из Новосибирска, серьёзные, непростые мужики, соответствующим образом экипированные. Им нужно было в камчатский поселок Пахачи, который находился на другой стороне безлюдного, дикого Корякского нагорья, на берегу Олюторского залива, в четырёхстах километрах от Хатырки.

Я поселился в общежитие. Лена не знала, что я прилетел. Было интересно ходить по посёлку и пытаться угадать её дом, заглядывать в окна.

Туристы расставили палатки у столовой, разложили спальные мешки и ушли куда-то. Вялилась рыба, развешанная на перекладинах высоких наклонных сушилок, сушились на колышках рыбацкие сети, ржавели бесхозные двухсотлитровые бочки. Не было ни людей, ни собак. Гулял среди домов ветер, колыхал низкую траву. Посёлок казался вымершим.

Я позвонил ей из коридора общежития.

– Чем занимаешься? – спросил я.

– Ничем. А у тебя, как дела?

– Хочу прилететь в Хатырку. К тебе в гости.

– Прилетай, – она решила, что я пошутил.

– Хочешь, я опишу Хатырку, расскажу, как она выглядит? Алё?

– Я слушаю, слушаю.

– Что ты видишь из своего окна? – Я видел из окна сельсовет, сопку с редкой жёлтой травой. – Сельсовет видишь?

– Сельсовет? Вижу.

– Значит так, он двухэтажный. Он – двухэтажный?

– Угадал.

– Крайнее правое окно на втором этаже зашторено синей занавеской. Зашторено?

– Да, – удивленно, с недоумением сказала она.

– Флаг развивается в сторону реки.

– Слушай, ты откуда звонишь?!

– Из Хатырки! А ты откуда думала?

– Ты сошёл с ума! – Она решила, что я прилетел исключительно ради неё.

– Я поселился в общежитие. Как нам встретиться?

– В общежитие? – её это успокоило. – Подожди минутку, – она зажала трубку рукой и потом сказала: – Мы собрались на рыбалку. Пойдёшь с нами?

– Конечно, пойду!

Этот вечер стал для меня вечером открытий. Я познакомился с её мамой, замечательной, мудрой женщиной. Она показала мне, как ловить рыбацкой сетью лосося, выставив её длинным шестом с берега. Впервые увидел горбушу, гольца, нерпу, не пуганного морского зверя, любопытного и самоуверенного, так называемых, «чилимов», маленьких тварей, напоминающих ракообразных, кишаших в водорослях, осторожных евражек – местных сусликов, живую красную икру; впервые услышал такие слова, как «тузлук», «грохотка», «ястыки»; испытал на себе «очарование» тумана, принесённого морем, внезапного, непроглядного и очень холодного, который оставлял на одежде, волосах неправдоподобно крупные прозрачные капли; наконец, впервые попробовал уху и пельмени из свежего лосося.

3

Погода разыгралась не на шутку. Облака разрядились настолько, что проступило голубое небо, выглянуло солнце. Его широкие золотистые лучи окрасили в светлые, тёплые тона реку, голые жёлто-зелёные сопки, хмурые валуны.

Мы шли медленно, принаравливаясь к маленьким шагам Танюши. Низкий правый берег упирался в сопки, пологие и крутые, с глубоким, затенённым распадком, с рыхлым ноздреватым снегом, льдом, из-под которого бежал к реке прозрачный, холодный ручей. До «китового кладбища», цели нашего пути, было по-прежнему далеко. Мы так никогда

не дойдём, если не прибавим шаг.

– Танюша, садись ко мне на плечи, – предложил я.

Она отрицательно покачала головой и на всякий случай взяла Лену за руку.

– Она боится, – пояснила Лена.

– Иди сюда – не бойся.

Танюша спряталась за маму.

– Бесплезно, говорю тебе.

Я решил добиться своего.

– Помнишь, как я катал тебя на велосипеде?

Я катал её по квартире на трехколёсном велосипеде, – толкал велосипед, она рулила и смеялась. Наконец, мне надоело катать её. «Ну, всё, – сказал я. – Теперь катайся сама». – «А я ещё хочу!» – «Танюша, я устал». – «Ты немножко отдохнёшь, а потом ещё покатаешь, ладно?»

Она кивнула, она не забыла, как я катал её на велосипеде.

– Тебе понравилось? – спросил я.

Она опять кивнула. Ей понравилось кататься на велосипеде. Я сел на корточки:

– Иди сюда. Тебе опять понравится.

Она доверчиво подошла ко мне. Лена с удивлением посмотрела на меня.

«Китовое кладбище» не соответствовало своему громкому названию: было неприметно. Несколько закруглённых белых рёбер, размером с оглоблю, и позвонков, напоминающих пенки, плотно скрывала густая тёмно-зелёная осока.

Если не знать о нём заранее, пройдёшь рядом и не заметишь.

Мы подошли к реке. Устье было напротив, – неширокое, с бурунами у левого и правого берега. Тёмное беспокойное море уходило за горизонт. Зелёные волны накатывались на пологий берег сильно, шумно, с брызгами, неслись тонким слоем воды, пены, стекали назад, и пузырьки воздуха проступали из чёрных камешков, – мелких, измельчённых в крошево. Блестевший берег быстро просыхал, темнел.

4

Я улетел из Хатырки на следующий день.

Погода наладилась: утренний туман рассеялся.

Хорошая погода у нас не означала, что вертолёт прилетит: должна быть хорошая погода в Беринговском и на перевале в Мейныпильгыне.

Анатолий Сергеевич прибежал ко мне с вытаращенными глазами и сообщил, что вертолёт летит! Он только что позвонил в аэропорт.

Я начал быстро собирать вещи, постоянно думая о том, чтобы не забыть что-нибудь. Наконец, собрал вещи. Присел на дорожку. И вышел на залитую ярким солнцем улицу. В сторону аэровокзала, – одиночного домика на краю посёлка, – неторопливо шли люди с чемоданами, рюкзаками, сумками.

Вертолёт, набирая высоту, сделал несколько кругов над посёлком. Дома уменьшились до размеров коробки из-под

телевизора, двухсотлитровые бочки – до размера кирпича, большой корабль, с которого разгружали уголь и который находился далеко в море, уменьшился до размеров катера и приблизился к берегу.

Я сидел рядом с Анатолием Сергеевичем. Мы – попутчики до Москвы. Ему надо в Симферополь, мне – в Горький.

Накануне Валера Гречихин подарил мне пол-литровую банку с маринованной неркой собственного изготовления. Тонкие красные ломтики мяса выглядели вызывающе аппетитно. «Поспееет, когда приедешь домой», – сказал он. Не знаю, какой он срок подразумевал. Однажды он добирался до дома два месяца.

Я рассчитывал приехать домой через четыре дня: сегодня буду в Беринговском, завтра – в Анадыре, послезавтра – в Москве.

Я благодарен случаю, что познакомился с Леной. Никогда не забуду, как мы ужинали в Нагорном у знакомых её матери, как я прилетел в Хатырку и позвонил ей из коридора общежития, за окном которого был виден сельсовет. Думаю, что я не обидел, не обманул. Мне хотелось, как лучше.

СПЕКУЛЯНТ

Виктор Зуев предложил мне полететь в Якутск через Новосибирск. Я с недоумением посмотрел на него: самый удобный путь в Якутск – через Москву. Несколько ежедневных рейсов, самые большие самолёты, наличие свободных мест, – эти преимущества пути через Москву гарантировали, что мы без нервотрёпки доберёмся до Якутска. О количестве рейсов в Якутск из Новосибирска, я понятия не имел. Летают, может быть, несколько раз в неделю. Значит, нужна гостиница. А мест, как всегда, не будет. Но мы всё равно полетели через Новосибирск: кто-то из регулировщиков сказал Виктору, что на барахолке в Новосибирске, как он выразился, «на толчке», джинсы стоят дешевле, чем у нас в Горьком.

Лететь из Горького до Новосибирска три часа. Решив сократить время, я достал из «дипломата» толстую газету, которую предусмотрительно купил на аэровокзале в ларьке «Союзпечати». Виктор вытащил из своего «дипломата» миниатюрные дорожные шахматы и предложил сыграть, как он выразился, «партеечку». Для него имело значение, каким цветом фигур играть. Игрок белых фигур ходил первым – то есть имел преимущество при равной силе соперника. По жребию ему достались чёрные фигуры. Он выиграл относительно быстро, – часа за полтора. Я играл плохо, на начальном уровне. Вторую партию Виктор опять стал

играть чёрными фигурами, великодушно дав мне фору. Я поставил ему детский мат. Дай, думаю, попробую. Может, не заметит? И точно, – не заметил! Проигрыш детским матом ввёл Виктора в ступор. Некоторое время он отрешённо смотрел на шахматную доску. Мы опять расставили фигуры, но не успели доиграть партию до окончания полёта. На этот раз он, переоценив мои возможности, играл осторожно, – долго думал над каждым ходом, опасался подвоха.

Время от времени я смотрел в окно. А за бортом ничего не менялось. Мы летели над бескрайней однородной равниной облаков, напоминающих заснеженное поле. Казалось, что мы неподвижно висим в пространстве. В какой-то момент самолёт осторожно потащил нас вверх. Догадавшись, что мы сменили эшелон полёта, я, озадаченный, опять посмотрел в окно. Интересно, думаю, почему? Летели себе спокойненько. И вдруг под нами немного впереди перпендикулярно нашему курсу стремительно пролетел пассажирский самолёт, кажущийся чёрным, маленьким, оставляя аэродинамический след. Мы сменили эшелон, чтобы разойтись с ним на безопасном расстоянии. Через несколько секунду его уже не было. Меня поразила его скорость. Значит, с такой же бешеной скоростью летим и мы! Наше неподвижное висение в пространстве было кажущимся.

Город Новосибирск был, как говорят, молодым да ранним. Его основали меньше ста лет назад – в 1893 году, но здесь уже было полтора миллиона жителей. По численно-

сти населения он сравнялся с нашим городом. А наш город был основан на шестьсот пятьдесят лет раньше – в 1221 году.

В двадцати двухэтажной гостинице «Новосибирск» мест не было. Меня это не удивило. Мест никогда не бывает. Началась нервотрёпка, о которой я предполагал. И где теперь ночевать? Если нет мест в гостинице, у которой двадцать два этажа, тогда в менееэтажной гостинице мест не будет тем более.

Виктор предложил обратиться за помощью к заведующей отделом радиотоваров центрального универмага, находящегося рядом с гостиницей. Его замысел был бы логичным, если бы мы приехали к ним в командировку. Я сам тоже так поступил бы. Но мы были здесь проездом. Я усомнился, что заведующая поможет нам. Его предложение мне показалось авантюрным.

Наша просьба не показалась заведующей странной. Ознакомившись с нашими документами, она предложила нам отремонтировать телевизоры. У них было несколько неисправных телевизоров нашего завода. Если мы отремонтируем их, она поможет нам поселиться в гостиницу. Мы, естественно, согласились.

Виктор продал грузчику восемь умножителей по пятнадцать рублей за штуку. Он убрал деньги в карман, и на его лице появилось блаженство, удовлетворение. Любой на его месте тоже обрадовался бы: он заработал больше половины месячной зарплаты – сто двадцать рублей! Наш оклад был

сто сорок рублей, плюс премия. Грузчик сам обратился к нам с просьбой продать умножители. Эта радиодеталь была дефицитной, востребованной, часто выходящей из строя.

Для отчёта он достанет неисправные умножители через телемастерскую. За один исправный умножитель можно было получить, как минимум, пять неисправных. А потом сдаст их на склад, указав в акте, что заменил их при ремонте.

Заведующая сообщила нам, что мы будем жить в гостинице «Новосибирск». Администратором была та же женщина, недавно сказавшая нам, что у них мест нет. Она поселила нас в двухместный номер на пятнадцатом этаже.

Цены на местной барахолке были такими же, как у нас в Горьком. А некоторые товары стоили ещё дороже. Например, немецкие кроссовки стоили здесь двести рублей. Меня поразила эта цена, показавшаяся мне сумасшедшей. На цену влияет количество товара. Возможно, мы пришли в «неурожайный» день.

Крупные поставщики товара на барахолку, – это, как говорят, тайна покрытая мраком: спекуляция была уголовным преступлением. Исчерпывающую правду знали сами поставщики и правоохранительные органы.

Моряки, иностранные туристы – не были крупными поставщиками. Как я предполагал, – директора магазинов и торговых баз. Привезут, например, на торговую базу тысячу пар немецких кроссовок по цене пятьдесят рублей. А такое количество на весь город – это капля в море. Часть сра-

зу «рассосётся» по своим да нашим. Другую часть продадут знакомым спекулянтам. А те прямым ходом на барахолку. Даже десятирублёвая наценка делала директора «миллионером».

Барахолка представляла собой большую асфальтированную площадь, огороженную забором. Народу было много, как на ноябрьской демонстрации. Продавцы стояли длинными рядами, образуя живые коридоры. По этим-то коридорам ходили покупатели. Некоторые из продавцов тоже ходили с неизменной сумкой на плече, выставив напоказ свой товар.

Виктор купил английские джинсы и американские «варёные» штаны. Я не знал, что подразумевается под словом «варёные». Виктор тоже не знал. Называются так и всё. За джинсы он отдал сто шестьдесят рублей, за «варёнку» – сто восемьдесят. В обоих случаях к своему удовольствию сторговался по червонцу.

В гостинице он обнаружил, что «варёные» штаны уже кто-то носил. Он замочил их в ванной. И вдруг громко, как мне показалось, испуганно позвал меня. Я, встревоженный, прибежал. Вода в ванной была неестественно тёмно-синего цвета, как будто штаны перед продажей густо обработали синькой.

– Жена меня убьёт, – расстроено сказал он. – Скажу, купил не за сто восемьдесят, а за сто пятьдесят или даже за сто сорок рублей

Знаменитый Новосибирский Академгородок меня немно-

го разочаровал. Мы включили его в нашу культурную программу. Несколько неприметных научно-исследовательских институтов с обычной архитектурой в хвойном лесу – и это всё. В моём воображении, обманутом громкими названиями учреждений, Академгородок представлялся футуристическим городом. Институт ядерной физики, Институт неорганической химии, Институт теплофизики. Мы с интересом посмотрели, как некий мужчина угостил белку долькой яблока. Белка, нервно озираясь по сторонам, осторожно слезла с дерева, взяла из его рук яблоко, и со всей мочи, наверное, удивляясь своему безрассудству, ломанулась обратно на дерево. Мы выпили по бутылке пива и вернулись в гостиницу.

Новосибирск был крупным транспортным узлом. Его аэровокзал был больше нашего. Рейсов в Якутск было несколько в день.

Мы полетели ночным рейсом. Самолёт был полупустой. Я люблю полупустые самолёты. Мы сидели на разных рядах, комфортно занимая сразу три кресла. Время полёта до Якутска было три с половиной часа.

Случайно посмотрев в окно, я вдруг обнаружил, что Луна находится внизу – под крылом самолёта. Меня это поразило. Луна не могла находиться там! Она могла находиться под крылом самолёта, если бы мы летели кверху ногами. По всей видимости, я видел отражение Луны. Отражение было качественным, как от зеркала. От чего она отражалась, – не знаю. От земли – не могла. Значит, наверное, от облаков. Я не ви-

дел ни облаков, ни звёзд, ни земли. Мы находились в некоем чёрном пространстве, равномерно подсвеченном Луной. Я посмотрел вверх, прижавшись к окну. Но Луны не увидел. Я перешёл к противоположному борту. Луны отсюда тоже не было видно. Тогда я позвал Виктора и указал на Луну:

– Почему она внизу?

Он, как мне показалось, долго удивлённо смотрел вниз. Затем посмотрел вверх, отыскивая настоящую Луну. Потом плотно прижался к окну, продолжая смотреть вверх, как будто хотел высунуть голову наружу. Перешёл к окну другого борта и опять посмотрел вверх. Наконец сел рядом со мной и, не найдя объяснения, весело сказал, показав рукой крутое пике:

– Сейчас, как «Челленджер»! – Он имел в виду американский космический корабль многоцелевого использования, взорвавшийся сразу после старта.

Город Якутск был столицей большой автономной республики, на территории которой могли бы уместиться пять государств равных Франции. Он находился в среднем течении дикой реки Лены, несущей свои воды по стыку Среднесибирского плоскогорья и Горной страны, могучие хребты которой протянулись от Северного Ледовитого океана до Тихого. Плотность населения республики была маленькой. Общее количество – примерно миллион человек, из которых двести тысяч жило в Якутске. Безлюдность объяснялась суровым климатом. Обычная рядовая зимняя температура в Якутске

была минус сорок градусов. А в селе Оймякон, находящегося в приполярных широтах Якутии, известного, как один из «Полюсов холода», однажды зимой было минус семьдесят восемь градусов.

Мы работали на торговой базе. Неисправных телевизоров было около пятидесяти штук. Жили в гостинице «Спорт» в четырёхместном номере.

К нам подселили спортсмена, молодого парня, занимавшегося стрельбой из лука. Первое утро этот «лучник» замучил нас подготовкой стрел к соревнованию. Поставив две стрелы под небольшим углом и соединив их в вершине, он спускал по ним третью стрелу, – бесконечное количество раз. Стрелы были металлические. Металлический звук катящейся стрелы мешал спать. Он начал катать стрелы в шесть утра. Катит и катит, как одержимый. Мне хотелось сделать ему замечание, но никак не решался: мне это казалось нетактичным. Иди на улицу и катай их хоть до упада! Он понимал, что мешал нам спать, но настырно, недовольно нахмурив брови, продолжал заниматься своим нехорошим чёрным делом.

Этот парень был местный, из какого-то соседнего посёлка. Виктор спросил его, сколько здесь стоят джинсы? Тот ответил, что двести пятьдесят рублей. Дешевле мы не найдём. Ещё он рассказал, как однажды в Москве, в которой был на соревнованиях, ему продали две кроссовки на правую ногу. Обманули его.

Виктор, заинтересованный заоблачной ценой, решил продать свои джинсы и штаны. Он уже в них разочаровался. Джинсы он продаст за двести пятьдесят рублей, не новые «варёные» штаны – за двести. «Итого, четыреста пятьдесят», – подытожил он и радостно улыбнулся. Причина для радости была: если его план осуществится, он заработает девяносто рублей – половину месячной зарплаты.

Территория местной барахолки была заметно меньше новосибирской. Покупатели ходили между длинных рядов столов, заваленных товаром. На деревянном заборе, которым была огорожена барахолка, тоже висели различные платья, юбки и куртки. Какой-то мужик продавал подозрную трубу. Желающих посмотреть в трубу было много: образовалась даже целая очередь. Но никто не покупал. Посмотрят и отойдут. Мне, кстати, тоже хотелось глянуть.

Сначала Виктор решил избавиться от «варёных» штанов. Двести рублей – такая цена отпугнула первых двух покупателей. Виктор снизил цену на десять рублей. Третьему покупателю эта сумма тоже показалась большой.

Похоже, вдохновивший Виктора «лучник», ошибся, выдав свой, очевидно, небогатый личный опыт за закон природы. Говорит, не найдёте дешевле двухсот пятидесяти рублей. А у Виктора за двести никто не хотел брать. Цены изменчивы, как погода. На рынке два дурака – один продаёт, другой покупает. Если, например, в прошлом году этот «лучник» не нашёл джинсы дешевле, чем за двести пятьдесят рублей,

это не означает, что в этом году найти дешевле невозможно.

К нам подошёл, не задерживаясь, парень и, сообщив, что ожидается облава, быстро затерялся в толпе. Облава, конечно, могла быть. Но насколько парень был искренним? Возможно, он запугивал конкурента.

Барахолка предназначалась для продажи личных вещей. Продажа товара, как промысел, была строго запрещена. В худшем случае можно было угодить в тюрьму на два года с конфискацией имущества, в лучшем – отделаться трёхсотрублёвым штрафом. Милиционеры регулярно устраивали рейды, изымали товар. Спекулянты страховались: у них была с собой незначительная часть товара.

Виктор сразу убрал штаны в сумку. Больше он их не вытаскивал.

– А вдруг, действительно, ОБХСС-ники? – сказал он. – Я лучше сам «варёнку» изношу. А жене скажу, что купил за сто рублей.

В БОГАТОМ КРАЮ

Месторождение алмазов на западе Якутии – причина основания города Мирный. Карьер находился между городом и аэропортом. Вблизи он казался устрашающей пропастью, а с высоты приземляющегося самолёта – громадной дырой: его глубина была полкилометра, диаметр – больше километра.

К аэровокзалу подступали высокие насыпи породы. Её привезли из карьера или с горно-обогательного комбината. Эти высокие отвалы я принял сначала за сопки, которые сливались с отвалами без чётких граней, катились волнами за горизонт. Растительность вблизи была скудная: у привокзальной площади зеленел островок берёзок, да вдоль дороги в город было немного лиственниц и сосен.

– Эти отвалы, какой высоты? – спросил я Виктора Зуева, сидевшего на лавке рядом со мной.

– А я знаю?

– А на глазок?

– Однажды Чебурашка попросил крокодила Гену насыпать десять килограммов соли, – Виктор радостно улыбнулся, предвкушая удовольствие от того оглушительного, ошеломляющего эффекта, который, как он надеялся, произведёт его рассказ. «А у меня такой гири нет», – ответил крокодил. «А ты насыпь приблизительно – на глазок». – «Насыпь себе

в глаз, придурок!»

Он любил отвечать подобным образом. Я бы не сказал, что это мне нравилось. Помню, он жевал конфету. «Конфету жуёшь?» – спросил я. Сам не знаю, почему спросил: любому было бы понятно, что он жуёт конфету. «Нет, Алексей, – он засмеялся, – носки стираю!»

Уже месяц, как мы были в командировке. Работали в Якутске, Нерюнгри, Алдане, Хандыге и Мирном.

Наша командировка напоминала своеобразную экскурсию по месторождениям. Города Нерюнгри и Алдан тоже основали из-за полезных ископаемых. В Нерюнгри добывают уголь, в Алдане – золото.

В Нерюнгри я специально сходил на угольный карьер, находящийся рядом с городом. Высокие отвесные угольные стены карьера, экскаватор-монстр с невероятно большим ковшом, громадные самосвалы – всё это меня, конечно, впечатлило. В Алдане я впервые увидел драгу, большую серьёзную машину, извлекающую из реки золото.

На площади у аэровокзала города Мирный мы ждали автобус в посёлок Чернышевский, названный в честь известного писателя и революционера Н. Г. Чернышевского, посланного в эти места сто лет тому назад по распоряжению царя. Революционеры считали царя плохим, а себя они считали хорошими.

Наконец подъехал автобус – комфортный «Львовский», с мягкими откидными креслами, со шторами на окнах.

Народу на остановке собралось порядочно. Билеты продавал шофёр. Увлекаемые толпой, мы понеслись на штурм двери.

– Каждый день одно и то же! – с трудом открыв дверь, заорал шофёр. – Сломаете! По одному!

По обе стороны дороги, по которой мы ехали, меняли друг друга сопки с хвойным лесом, обнажёнными скальными выступами, разнокалиберными камнями – от маленьких, напоминающих щебень, до впечатляющих валунов. Мелькали телеграфные столбы. Основания некоторых столбов были помещены в колодезные срубы, наполненные камнями.

Дорога была превосходная: мы не ехали, а мчались. Хорошее состояние дороги меня приятно удивило. Я думал, дорога будет отвратительной, такой же, как из Нерюнгри до Алдана.

Казалось, ничто не предвещало нервогрёпки: дорога была федеральная, прорисованная на карте жирным красным цветом, – то есть такой же хорошей, как, например, от Горького до Москвы. Мало того, что она оказалась грунтовой, так её ещё словно разбомбили. Нас постоянно резко и сильно кидало в самые неожиданные стороны. А в салоне стояла густая серая пыль. Временами, дышать было невозможно! Я жалел, что у меня не было противогаза. Это испытание продолжалось не час и не два, – мы дышали пылью, кидаемые из стороны в сторону, шесть часов. Когда мы приехали в Алдан, я обратил внимание, что незанятые сидения покрыты

толстым слоем пыли. Что это означает? Значит, столько же пыли было и на мне! Я встряхнул свой пиджак, – мне показалось, что я встряхнул мешок из-под картошки. А когда я мылся в душе, с моей головы вдруг потекла пугающе бурая вода, как с грязной половой тряпки.

На мой взгляд, самая интересная поездка у нас была из Хандыги в Якутск. Мы прилетели в Хандыгу из Якутска на самолёте, а обратно поехали на скоростном теплоходе. Посёлок Хандыга находится на реке Алдан, Якутск – на Лене.

В моём воображении дикие берега необузданных рек представлялись невостробованным складом несметных богатств, интригующих тайн, ждущими своих исследователей. На самом деле всё оказалось гораздо прозаичней. Какие бы живописные берега ни были, какие бы тайны ни скрывали, они скоро надоедают, становятся обычными – особенно, если хочется есть. Мы ехали двенадцать часов: между Хандыгой и Якутском по рекам шестьсот километров. Буфета на теплоходе не было. Мы не запаслись продуктами.

В устье Алдана я вышел на палубу. Я сам определил, что мы в устье: во-первых, берега раздвинулись далеко; во-вторых, теплоход стал устойчиво поворачивать налево, к Якутску. Возможно, мы были уже на реке Лена. Опиравшийся на подводные крылья теплоход вдруг замедлил ход, – плавно лёг на воду и остановился. Хаотичные волны начали беспорядочно плескаться в борта. А потом я увидел моторную

лодку, стартанувшую маленькой точкой с какого-то острова, густо заросшего лесом, и стремительно приближающуюся к нам. Наша остановка и моторная лодка – эти события, как оказалось, были связаны между собой. Матросы приняли с моторной лодки несколько больших холщёвых мешков, наполненных неизвестно чем. Я предположил, что в мешках была копчёная рыба.

Очертания местности вдоль дороги до посёлка Чернышевский незаметно изменились. Сопки отступили: открылась долина с одиночными лиственницами, кустарником, густой травой. Бежал прозрачный ручей, пенящийся на гладких валунах, заросший по берегам тальником, осокой.

В этом ручье могут быть алмазы. Особенность данной местности была заключена в том, что никто не скажет наверняка, что в ручье алмазов нет, – в быстрой, чистой воде на мелководье среди песка и гальки!

Виктор опорожнил бутылку пива и осторожно опустил её на пол. Бутылка вдруг покатила по всему салону, громко звякая.

– Кто там бутылку кинул? – строго спросил шофёр и недовольно посмотрел в зеркало, в котором отражался салон. – Кто кинул, ещё раз говорю? Там взади ящик. Положите бутылку туда!

Посёлок Чернышевский основали строители Вилюйской ГЭС: городу Мирный и горно-обогательному комбинату нужно было электричество. Дома были и деревянные, и ка-

менные. Очевидно, сначала посёлок был деревянным. Затем построили каменные многоэтажные дома. Некоторые многоэтажки высоко торчали над землёй на сваях. Воздушная прослойка сохраняла замёрший грунт, находившийся на глубине метра-двух, и фундамент дома не деформировался.

Мы управились с работой до обеда. Пришли в кабинет к заведующей магазином отметить командировочные удостоверения и акты.

– А днём нельзя уехать в Мирный? – спросил Виктор. Автобусы ходили два раза в сутки, – утром и вечером. Если мы уедем днём, мы успеем на вечерний самолёт в Москву. Город Мирный был связан с Москвой воздушным сообщением. Посёлок Чернышевский был последний в нашей командировке.

– У нас ещё десять «Фотонов». Возьмётесь? – предложила заведующая.

«Фотоны» выпускали в Симферополе. Мы отремонтируем их, если нас интересуют материально.

– И по какой цене? – спросил я.

– Пятнадцать рублей за телевизор.

– По прейскуранту – двадцать пять, – возразил Виктор.

– По прейскуранту нам в бытовке отремонтируют.

Нам не приходилось выбирать. Нас устраивала оплата по пятнадцать рублей. Всё равно всех денег не заработаешь. Сто пятьдесят рублей придутся нам очень кстати!

Первый телевизор не включался – сгорел предохранитель:

выбило диод в блоке питания. «Пятнадцать рублей», – начал считать я. В другом – не было красного цвета: оборвалось сопротивление на плате кинескопа. В третьем телевизоре не было звука: выпала лампа 6П14П из панельки. В четвёртом не было раstra – пробило конденсатор в задающем генераторе строк. Итого – шестьдесят рублей!

К вечеру мы записали на свой счёт десять отремонтированных телевизоров. Деньги нам выдадут завтра утром в конторе.

Заведующая пообещала помочь с гостиницей.

– Отвезёшь их к музыкантам, – сказала она шофёру, молодому парню, который приехал за нами. – Так Рудаков распорядился.

По всей видимости, в гостинице мест не было.

– А музыканты – это кто? – спросил Виктор шофёра, усаживаясь в машину, УАЗ-ик с брезентовым верхом. – В каком смысле?

– В прямом, – вдруг засмеялся тот. – Играют в ресторане!

Указав на низкий лес, подступающий к поселку, – у нас сосны, ели выше, наверное, в два раза – я высказал предположение, что в таком лесу нет крупных зверей. Шофёр не согласился и рассказал, как охотился на медведя и про рыбалку. «А какие места на речке, какие места! – на его лице появилось восхищение. – Вам надо обязательно посмотреть!» Чем дальше он рассказывал о реке, охоте, тем больше я проникался мыслью о том, что наша встреча на этом не закон-

чится, что мы съездим с ним на рыбалку, посидим у костра.

У крыльца деревянного дома, разделённого на две квартиры, курил светловолосый парень.

– Привет! – шофёр поздоровался с ним за руку, как со старым знакомым. – Эти ребята будут жить у вас. Так Рудаков распорядился.

– Рудаков? – тот окинул нас недоумённым взглядом.

– Рудаков, – подтвердил шофёр.

– Но у нас две койки и обе заняты.

– Ты пойми, Рудаков распорядился!

– Мне всё равно. Если согласны спать на полу, то пожалуйста.

Шофёр пошёл к машине с сознанием выполненного долга. Его задача состояла в том, чтобы привезти нас на место. Я посмотрел ему вслед. Заинтригованный его рассказом о рыбалке, мне хотелось ещё раз встретиться с ним, съездить на рыбалку. У него была моторная лодка. Но мы больше не встретились.

Квартира была однокомнатная. Обстановка – спартанская: две железные кровати, стол, два стула, шифоньер.

– У нас даже постелить на пол нечего, – сказал парень.

Спать на голом полу, откровенно признаться, мне не хотелось. По кислой физиономии Виктора я понял, что ему тоже не хочется.

Вошёл ещё один парень, чем-то озабоченный, – увидел нас и вопросительно посмотрел на своего товарища.

– Поздравь нас, Сергей, с квартирантами! – улыбнулся тот. – Представляешь, сейчас приехал какой-то мужик и сказал, что какой-то Рудаков распорядился поселить этих парней у нас!

Походило на то, что Сергей тоже не знал, кто такой Рудаков.

– Ладно, мы опаздываем, – сказал он после минуты общего молчания. – Вот ключ, – он положил ключ на стол. – Кинете в почтовый ящик, если пойдёте куда.

– Будем спать на полу? – сказал Виктор, когда они ушли.

– Я предлагаю сходить в гостиницу.

Гостиница находилась за посёлком в лесу. Я ожидал увидеть дом барачного типа – вроде гостиницы «Чайка» в Хандыге, где мы жили в номере на втором этаже с выбитым оконным блоком. Перед нами предстал странный интересный дом – треугольное сооружение из стекла от земли до конька с деревянным пристроем. Я впервые увидел такую необычную гостиницу! Стеклоанное сооружение было холлом, а в пристрое находились номера. За гостиницей был крутой спуск к реке Вилюй, которую перегораживала плотина гидроэлектростанции. Виднелось обширное водохранилище. Холмистые берега реки и водохранилища были покрыты лесом.

Администратор, женщина в возрасте, незаметно сидела в глубине холла за обыкновенным столиком.

– Знаете что, места у нас есть, – задумчиво сказала она. –

Подождите немного. Гостиница ведомственная. А нас, знаете, как ругают, если мы селим без разрешения? – на её лице появилось озабоченное выражение. – Так что, не поселю. Звоните вашему начальству, чтобы договорилось с нашим.

Я взял справочник.

– Заведующей позвонишь? – спросил Виктор.

– Директору ОРС-а.

Не успел я набрать номер телефона, как женщина сказала:

– Так и быть – поселю. Только напишите благодарность, что я такой-то и такой-то выражаю благодарность, – она назвала себя. – Потому что она добрый, отзывчивый человек. Или как-нибудь по-другому. Что она, мол, заслуживает уважения. Понимаете? – она подала нам книгу отзывов.

Ужинали в ресторане, находившемся в центре посёлка. Зал был с низким потолком, затуманенный дымом сигарет. Разговоры слились в монотонный гул, звенела посуда. На сцене играл ансамбль – знакомые нам ребята и ещё двое.

Мы заказали селёдку, бифштекс, триста грамм коньяка: кроме коньяка и шампанского ничего другого из спиртного не было.

Если бы не музыканты и обслуживание, могло показаться, что мы были в столовой: посетители были в повседневной одежде. Сосед по столику напротив меня был в застиранном джемпере, из выреза которого выступала неопрятная рубашка с протёртым на изгибе воротником. Сосед слева был в глухом свитере.

На музыкантов не обращали внимания. Они видели это – играли без энтузиазма, по обязанности, с большими перерывами.

Нам принесли селёдку, порезанную на ломтики и присыпанную кругляшами лука, бифштекс с жареной картошкой и яйцом, консервированным горошком, коньяк в графинчике.

– Здесь ровно триста? – спросил Виктор, наливая мне.

– Будем надеяться.

– За удачные дни, – он поднял рюмку.

Вкусовые качества селёдки соответствовали её аппетитному виду. Она была нежной – ломтики таяли во рту.

– Предупредим музыкантов? – предложил я.

– Насчёт чего?

– Что мы поселились в гостиницу.

– Сами догадаются.

Вкусовые качества бифштекса, яйца и картошки тоже соответствовали их аппетитному виду.

– Послушайте, – сказал сосед по столику слева от меня, седой мужчина в свитере. – Вы, я вижу, приезжие?

– Да, – кивнул Виктор.

– Работу ищете?

– Мы в командировке.

– А в какую организацию?

– В магазин.

– Понятно, – кинул он и задумался.

– Не скажете, – я обратился к нему, – карьер в Мирном – единственное место, где добывают алмазы?

– Зачем тебе?

– Интересно.

– Разбогатеть хочешь? – он снисходительно посмотрел на меня.

– Не хочу я ничего!

– Проблема не найти, а продать. Кому ты продашь?

– Здесь они не найдут, – вдруг сказал другой сосед.

– А ты откуда знаешь? – седой с интересом посмотрел на него.

– Знаю.

– Знает он!

– Я, между прочим, пятый год буровиком!

– Ну и много в Мирном добывают? – спросил я.

– Тебе никто не скажет, – седой задумчиво отрицательно покачал головой. – Сколько породы перевезено, это можно узнать – в том же гараже. А так никто тебе не скажет.

– Не знаю я. А ты сам-то знаешь?!

Далее их разговор принял специальный характер, – я перестал понимать их. Седой сказал буровику: «Ты там работал. А я это предприятие построил». Это была одна из немногих фраз, которую я понял. Они задавали друг другу вопросы, уточняли, соглашались. Наконец выяснив всё, удовлетворённо замолчали.

– Не пойму никак, – седой опять обратился к нам, – зачем

вы в магазин приехали?!

– По предторговому ремонту, – разъяснил Виктор. – На телевизионном заводе работаем.

– Телемастера? – удивился он. – Знаете что, – его лицо приняло деловое выражение, – я знаю посёлок, где у многих сломаны телевизоры. Вот куда вам нужно. Заработаете.

– А что за посёлок? – спросил я.

Он назвал и объяснил, как проехать.

Зал незаметно пустел. Музыканты уже не играли. Расплатившись, ушёл седой мужчина. Затем ушёл его оппонент, буровик с пятилетним стажем. После него осталась незаконченная бутылка шампанского.

– Может того? – предложил Виктор. – Всё равно пропадёт.

Он налил шампанское в фужеры.

– Поедем в посёлок? – спросил я.

– Слушай ты его больше. Да и как ты себе это представляешь? Пойдёшь по посёлку, будешь спрашивать? Я вон тогда был в Оренбурге. Нет – в Уральске. Или в Оренбурге? – он задумался. – В общем, я где-то был и поверил одному мужику, – говорил то же самое. Я два часа добирался на автобусе! Ну, думаю, сейчас нарасхват пойду. Зашёл в продуктовый магазин и начал предлагать свои услуги. И никто не согласился. Смотрели, как на афериста!

Смакуя шампанское, Виктор вдруг допил его глотком:

– Я сейчас приду, – он поднялся со стула и пошёл в коридор. Я проводил его взглядом. И вдруг увидел, что к столи-

ку возвращается наш сосед, буровик с пятилетним стажем, у которого мы выпили шампанское!

«Так он чего, не ушёл, что ли?» – подумал я.

Виктор стоял у двери в коридор, смотрел на меня и улыбался.

Усевшись за стол, мужчина увидел пустую бутылку:

– Не понял. А где моё шампанское?

– Мы его выпили.

– Как выпили?

– Мы тебе заплатим за шампанское!

– Не успел я сходить в туалет, а они – выпили!

Утром мы пошли с заведующей в контору, чтобы получить деньги за ремонт телевизоров. Контора была на окраине поселка. По одну сторону дороги были дома, по другую – поле, лес. Я никак не мог привыкнуть к тому, что лес здесь, наверное, в два раза ниже, чем у нас.

– А мы успеем на автобус в Мирный? – спросил Виктор заведующую: автобус отправлялся через час.

– Успеете, – её заинтересовало что-то на обочине – как оказалось, камень; она подняла его. – Это сердолик. Разновидность халцедона. Считается полудрагоценным камнем. Его надо отшлифовать. И если внутри будут кольца, тогда это будет агат. Возьмите на память, – и подала камень Виктору.

Он взял камень с таким выражением, как будто над ним пошутили.

– А почему вы себе не взяли, если он полудрагоценный?

– У меня есть коллекция.

– Дай-ка посмотреть, – попросил я.

Сердолик был жёлто-красного цвета, с выбоинами. Я попытался рассмотреть кольца, но ничего не увидел. «А может, он ему не нужен?» – я с надеждой посмотрел на Виктора. «Нужен», – говорил его взгляд. Когда я вернул камень, он тоже посмотрел его на свет.

– Что-то не пойму, про какие кольца вы говорили?

– Он должен иметь рисунчатую структуру.

Я с пристальным вниманием посмотрел на обочину. В голову лезла идиотская мысль: если валяются полудрагоценные камни, то почему не могут валяться драгоценные – алмазы, например! Везде лежал пыльный щебень.

Получив деньги, мы пошли в гостиницу за вещами. До отправления автобуса осталось мало времени. Нам нужно было торопиться.

ВАЛЕРА И ЕГО ЖЕНА

Валера Садков приехал в аэропорт пьяный, с сильным запахом перегара, невымытыми, засаленными взлохмаченными волосами, растопыренными усами, похожими на малярную кисть, отёкшим лицом. Его внешний вид неприятно поразил меня. Его, откровенно пьяного, могли не пустить в самолёт.

– Дак, ведь, сам понимаешь, – он развёл руки, оправдываясь. – Дрова пилили.

Он купил «дрова» – несколько кубов берёзовых брёвен. Сосед помог распилить брёвна. У него была автоматическая пила. А затем они это дело обмыли.

Валера жил в деревне, рядом с городом. На работу добирался на электричке. Его дом был ветхий, покосившийся, из растрескавшихся сосновых брёвен, с замшелой крышей. В акте, составленном депутатом, было указано, что дом непригоден для жилья, построен семьдесят лет назад, один раз горел. Валера надеялся, что завод даст ему новую квартиру. Уже пять лет, как он стоял в очереди на жилье, по списку семнадцатый. Я спросил его, каким он был по счёту пять лет назад? «Дак, по-моему, и был семнадцатый», – сказал он.

В буфете Валера купил чаю с лимоном и обнаружил, что у него в кошельке «не хватает» сорока рублей, третьей части аванса, который он получил для командировочных расходов.

– Жена вытащила! – он возмутился. – Смотри-ка, что де-

лат баба!

Она забрала деньги, на которые ему надо жить в командировке, – платить за дорогу, гостиницу! Я, конечно, дам ему денег. А если бы он поехал один?

Его жена тоже работала в городе. Он позвонил ей. Она отпиралась, говорили, что не брала. Тогда он повесил трубку. А затем снова позвонил, стыдил её.

Командировка у нас была в Латвию, маленькую прибалтийскую республику. Города здесь были чистые, ухоженные, еда в столовых вкусная.

Половина жителей здесь были русские. Но я всегда попадал на латышей. Нас интересовало, как найти гостиницу, столовую, магазин? Мне отвечали по-латышски, указывали в другую сторону, либо вообще не отвечали. Приходилось спрашивать много раз. Всегда спрашивал я, – Валера держал себя так, как будто это была моя обязанность. Мне это надоело. «А ты, что молчишь?! – я возмутился. – Ты тоже спрашивай!» – «Я боюсь». – «Тебе, сколько лет? Представь, что ты один. Может, на русского попадешь. Может, ты счастливый!» И вот мы поехали на автобусе из Гулбене в Ригу. Валера подал шофёру десять рублей и попросил два билета до Риги. Тот ответил по-латышски. Валера испуганно посмотрел на меня. Потом опять сказал шофёру, что ему нужно два билета до Риги. «Гыр-гыр-гыр», – ответил шофер. Похоже, Валера дал мало денег. «Дай ещё десять рублей», – сказал я. Шофёр дал ему два билета, сдачу. Мы сели на свободные ме-

ста, рядом с водителем. Спинка моего кресла была откинута. Женщина сзади сказала мне по-латышски, чтобы я поднял спинку. Я не понял, и она показала жестом. Обычно, спинка сидения поднималась с помощью кнопки в подлокотнике. Я пощупал, посмотрел, – кнопки не было. «Не знаю, как поднимается», – я сказал шоферу, который смотрел на меня. «А что здесь непонятного?» – он вдруг сказал чисто порусски и показал, как поднять спинку – с помощью рычага у сидения.

Мы вернулись домой через Москву, – приехали на поезде в три часа ночи. Я предложил Валере переночевать у меня. Он отказался. Сказал, что дождётся «перву» электричку, которая будет через час.

Валера приехал на работу без отчётных документов – командировочного удостоверения, отмеченного печатями магазинов, проездных билетов и гостиничных квитанций. Он сказал начальнику нашего подразделения, что забыл документы дома. А мне сказал, что жена спрятала.

– Зачем? – удивился я. – Какой в этом смысл?!

– А чтобы мне было хуже. Что делает баба!

Он приехал домой в пять утра и лёг спать. Она разбудила его и сказала растопить печку. А он отказался.

– В прошлый раз вытащила деньги. Звоню. Она давай отпиратца. По морде дать? Дак посадит. Боюсь я. Поднимат меня, а я не встаю. Только лёг – в пять утра. Психанула. Опять не по её! Ну, думаю, сейчас что-нибудь спрячет. И точно –

нет командировки! Я, бывало, в доме у матери документы спрячу. Дак она к матери придёт, сыщёт. Дура!

Мы опять поехали в командировку, – на этот раз в Краснодарский край, по следам Андрея Якубова, который забрал восемь телевизоров с неисправными кинескопами в городах Славянск-на-Кубани, Усть-Лабинск, в станицах – Тбилисская, Хопёрская, Чекон. Кинескопы выходили из строя настолько часто, что, например, за прошлый год я заменил их больше, чем предохранителей.

Валера приехал в аэропорт за десять минут до окончания регистрации на рейс. Я ждал его около часа и думал, что он опоздает. Сам, без него забрал кинескопы из камеры хранения, зарегистрировался, заплатил за лишний вес багажа, дал грузчикам на бутылку, чтобы они осторожно погрузили кинескопы.

– А позже ты приехать не мог? – раздражённо спросил я.

– Электричка опоздала на полчаса!

– Деньги все на месте? Жена не взяла? – Меня не смягчило его оправдание: я один корячился с кинескопами!

– Деньги-то все. Сегодня не так. Кошелёк не нашла. Дак спрятала ботинки, пиджак и куртку!

Только после этих слов я обратил внимание на его одежду, – у него была старая болоньевая куртка с заплатками, дырами от сигарет, мятые джинсы, с бурыми потёками грязи, расстёгнутой ширинкой, зимние ботинки с оторванными язычками.

– У тебя расстегнулась ширинка, – примирительно сказал я, сдерживая смех. – Ты просил жену, чтобы отдала одежду?

– Я не хочу унижаца. Собрался и ушёл.

Я опять посмотрел на Валеру – на его заплатанную куртку, мятые джинсы, зимние ботинки с оторванными язычками!

– Ты их на помойке нашёл, эти ботинки?

– Я в них дрова рублю.

Забраковать кинескоп и заменить его – работа разная. Андрей Якубов ездил налегке – с «дипломатом» и сумкой. Мы ездили с кинескопами.

Камера хранения в аэропорту Краснодара стала нашей базой. Наши города и станицы были в разных концах края. Мы отвозили кинескоп, меняли, возвращались в аэропорт за следующим кинескопом.

Наконец дошла очередь до станицы Чекон. Автобус ехал до этого населённого пункта дольше, чем мы предполагали. Было уже полседьмого вечера. Магазин скоро закроется. Обычно, они работали до семи. А мы ещё ехали. И неизвестно, сколько времени ещё будем ехать. Я не был уверен в том, что в Чеконе есть гостиница. Если гостиницы не будет, где будем ночевать, – на улице? Ни наши соседи, ни шофёр тоже ничего не знали про гостиницу в Чеконе.

Время неумолимо приближалось к семи. Уже было без пятнадцати семь! А мы по-прежнему ехали.

– Будете выходить? – спросил шофёр и кивнул на дорожный указатель, на котором было написано, что до Чекона три

километра. Я растерялся. Чекон находился в стороне от главной дороги. До него было три километра! Автобус не заезжал в Чекон. А у нас было два кинескопа. Упакованные в коробки, они мало чем отличались от двух телевизоров. Тащить их на себе три километра было удовольствием ниже среднего. Не успели мы с Валерой переглянуться, а поворот на Чекон остались сзади, и с каждой секундой мы отъезжали всё дальше и дальше!

– А следующая, какая станция? – спросил я.

– Юровка.

– А там гостиница есть?

– Понятия не имею.

Шоссе делило Юровку на две половины. Автобус здесь не останавливался. Мы решили, что в Юровке гостиницы тоже нет.

Мы доехали до конечного пункта маршрута автобуса, – до станции Старотиторовская, которая находилась в тридцати километрах от Чекона. Гостиница оказалась закрытой на ремонт. Неприятно оказаться у закрытой на ремонт гостиницы с багажом в незнакомом населённом пункте. Нам подсказали про общежитие какого-то предприятия. В этом общежитии, с поломанными дверями, шкапами, столами, мы ночевали в одной комнате с шофёром, который завтра утром уезжал в Краснодар. Чекон был по пути, и шофёр сказал, что довезёт нас.

Мы приехали в Чекон в семь утра – за два часа до откры-

тия магазина.

...Товаровед попросил нас отремонтировать его личный телевизор. Перед его домом росли грецкий орех, дикий абрикос «жарделя». Эти чудные деревья были перед каждым домом. Они росли здесь, как у нас берёзы. Двор перекрывали дуги, оплетённые виноградом. У его друга тоже был сломан телевизор. Мы поехали к нему. И этот друг угостил нас ужином. Пришли ещё какие-то люди. Мы ели шашлыки, свежие овощи, зелень. Я пил домашнее вино. Валера – самогонку.

Валера приложился к самогонке, как следует. Обычно, скромный, сдержанный, мало разговорчивый, готовый всегда уступить, он вдруг преобразился. У него закончились сигареты, и он потребовал дать ему закурить! Он отремонтировал телевизор. Ему теперь все обязаны! Он получил сигарету и услышал, что в таких штанах, как у него, ходили на Кубани ещё до революции. Тогда Валера начал расхваливать нашу Волгу, Керженецкие леса. «В вашей Волге можно только ноги полоскать!» – ответили ему. «Зато у вас грибов нету!» – парировал он. «А у вас виноград не растёт и персики!» Я сказал Валере, что ему хватит пить. Он снисходительно посмотрел на меня. На его растопыренных усах висели крошки хлеба. И выпил ещё! Его куртка висела на спинке стула, рубашка вылезла из-под старого, съеденного молью джемпера, ширинка опять расстегнулась. Замок молнии был сломан, и молния постоянно расстёгивалась. Он хотел казаться значительным, но поскольку был пьяным и в такой одежде, его

не воспринимали серьёзно. Скажи, кто твой друг, и я скажу, кто ты. На меня тоже смотрели подозрительно. В нашей компании была красивая девушка, подружка хозяина дома. Я сидел рядом с Валерой. Он откровенно подтолкнул меня к ней и заговорчески подмигнул. Мне сразу стало нехорошо. Чужой дом, незнакомые люди.

– Извините, – я поднялся из-за стола. – Нам – пора.

Мы опять вернулись домой через Москву: самолеты из Краснодара в Горький были три раза в неделю, а в Москву – несколько самолётов в день.

Я приехал на работу. Валера курил в коридоре у окна, помятый, с взлохмаченными волосами. Я поздоровался с ним и увидел, что у него сильно распухла щека.

– У тебя зуб болит?

– Давайте начинайте, начинайте! – он вдруг вспыхнул. – Вам нужен мальчик, над которым можно посмеяться. Вы без этого не можете. Ну, ударили меня, ударили! Теперь ты доволен? Да? Смейся!

Я с недоумением посмотрел на него и пошёл в общую комнату, сел за стол рядом с Андреем Якубовым, крупным, бородатым регулировщиком:

– Что-то сегодня Валера не в духе.

– Будешь не в духе, – он засмеялся. – Жена ударила его табуреткой!

Специальность телемастера сделала Валеру в своей деревне необходимым человеком. Он ремонтировал качественно,

брал недорого. К нему постоянно обращались. Сначала он отдавал деньги жене, затем – часть денег, наконец, совсем перестал отдавать, считая «шабашку» своей законной добычей. Жена уговаривала его и по-хорошему, и по-плохому, – пугала, что расскажет начальству: радиодетали он брал на заводе, а затем списывал на телевизоры, которые ремонтировал в командировках. Наконец, её терпение лопнуло. Она решила пожаловаться начальнику нашего отдела. Я представлял её страшной, похожей на бабу Ягу. Она оказалась розовощёкой, плотной, круглой женщиной, с мягкими, приятными чертами лица.

Я увидел их – Валеру и его жену – на улице, у крыльца отдела. Она сидела на лавочке, выглядела строго, непреклонно. Походило на то, что она приняла какое-то решение, и никто её не сможет переубедить. Валера стоял перед ней с просящим, умоляющим видом.

Наш начальник смутился, растерялся, не знал, как держать себя с этой женщиной, что ответить ей. Наверное, любой растерялся бы на его месте.

– Накажите его! – требовала она. – Он ворует детали на заводе! Ни стыда, ни совести! Шабашит направо и налево. Ремонтирует телевизоры. А деньги мне не отдаёт. Всё пропиват! Вы скажите ему, чтобы он, – она показала пальцем на Валеру, – отдавал деньги мне!

Мне было интересно посмотреть на жену Валеры после всего того, что я узнал о ней.

ЛЮБИМАЯ ТЕРРИТОРИЯ

Я вышел из отдела на улицу. Меня сразу обдало горячим воздухом и ослепило солнцем: наш отдел находился в полуподвале жилого дома, комфортно прохладном, затенённым кустарником и деревьями. Я надел солнцезащитные очки. Вдруг кто-то окликнул меня, – как оказалось, Андрей Якубов: он курил, сидя на лавочке, находившейся напротив нашего отдела, в тени деревьев.

Ему тоже надо на завод. Мне надо получить в бухгалтерии деньги для командировочных расходов. А ему – получить на складе радиодетали. Мы пошли на автобусную остановку. Наш отдел находился не на территории завода.

Андрей решил купить в киоске «Союзпечати» программу передач на следующую неделю. Продавец сказала, что программы будут завтра. Если бы мне понадобилась программа, а её не оказалось, я сразу пошёл бы дальше по своим делам. Андрей начал внимательно осматривать товар. Сначала он смотрел на газеты, потом – на журналы, затем – на сувениры, ручки и карандаши. Наконец он купил аскорбиновой кислоты, – несколько крупных таблеток в красивой упаковке.

– Сыну, – пояснил он. – Аскорбинка лучше, чем жвачка. Когда он пузырь выдувает, у меня сразу перед глазами возникает противная скользкая мокрая лягушка. У неё тоже появляется пузырь, когда она квакает.

Мы ждали автобус в тени деревьев: ещё не было десяти утра, а солнце палило немилосердно.

– Сегодня напевал всё утро: «Секс, секс, как это мило. Секс, секс – без перерыва». Не знает, что это такое, а поёт.

– Кто поёт? – я не понял.

– Сын. Сейчас по ящику чего только не передают. А дети, как магнитофоны – схватывают на лету. Человеческий мозг имеет такую особенность, – хорошее не запомнит, а ерунду, – пожалуйста. Уже анекдоты рассказывает, представляешь? – он удивленно посмотрел на меня. – Буратино пообещал Мальвине рубль, если она залезет на дерево. Она залезла и рассказала черепахе Тортилле. «Какая ты глупая, – сказала черепаха. – Он хотел посмотреть на твои трусики!» На следующий день Буратино опять попросил Мальвину залезть на дерево. Она залезла. А трусы спрятала в карман. Вот какой анекдот рассказал мне сын!

– А сколько ему лет?

– Семь! – засмеялся Андрей.

Мы не без труда втиснулись в переполненный автобус. Изнуряющая духота, яркое, слепящее солнце, разгоряченные пассажиры, набитые в автобусе, как селёдка в бочке, – всё это неожиданно угнетающе подействовало на Андрея.

– Надоел мне этот город, – скучно, разочарованно сказал он, держась за поручень, крупный, сильный, как медведь, в рубашке с коротким рукавом, мясистыми руками, толстыми пальцами. – Надоело всё. Вставать в шесть утра, ехать

в переполненном автобусе. Знаешь, бывает такое паршивое настроение, когда всё раздражает – эта сутолока, беготня. Не дай бог, думаешь, сейчас кто-нибудь заденет, – развернись и ударю. Или смотришь, все бегут куда-то, занимают очередь, ругаются. Что покупают – не понятно.

Пропуск на завод у нас был со свободным входом и выходом.

Узкая дорога, по которой мы шли к заводууправлению, напоминала ущелье: по обе стороны стояли высокие заводские цеха, опутанные трубами вентиляции. Производственный гул был ровным, постоянным.

– Зайдем к воякам? – предложил Андрей.

Наверное, две трети цехов были заняты военным производством. По этому поводу говорили: «Кто сказал, что телевизионный завод выпускает телевизоры?» Ходить с Андреем по заводу – означало потерять полдня: у него полно знакомых, ему надо всех обойти. А мне надо получить аванс для командировочных расходов, купить билет на поезд. Чем быстрее я освобожусь, тем быстрее окажусь на пляже – на острове Гребнёвские пески, у Канавинского моста. Я решил искупаться и немного позагорать. День был жаркий, солнечный. Провести несколько часов на пляже – эта мысль мне показалась очаровательно прекрасной, требующей немедленной реализации. Мне нравится пляж на этом острове. Прокалённый жёлтый песок, незаметное течение речки с искристой рябью солнечных бликов, мягкое песча-

ное дно. Я искупаюсь, обсохну на солнышке, открою бутылку пива. Короче говоря, мне не хотелось идти к воякам! Это отразилось на моем лице, и Андрей сказал:

– Да мы по быстрому! На минутку.

В большой комнате, в которую мы вошли, было два человека – молодая женщина печатала на машинке, и худощавый мужчина читал за столом газету. Появление Андрея оживило их. Похоже, им было приятно увидеть его.

– Слушай, Петрович, как насчёт моего дела? – спросил Андрей.

– Я не против, – лицо мужчины приняло деловое выражение. – Только напомни, насчёт какого?

– Насчёт станка.

Полгода назад Петрович познакомил его с токарем, который мог сделать деревообрабатывающий станок – вал для циркулярной пилы и ножей, стол с отверстиями для пилы и ножей, раму. Токарь запросил за станок семьдесят рублей. Андрей принял это к сведению и больше не приходил. За эти полгода токарь, наверное, забыл Андрея. И он снова обратился к Петровичу.

Я ни разу не был в этом кабинете. На стене у стола Петровича висели два больших рекламных плаката радиолокационных станций, которые делали на нашем заводе. И плакат с фотографиями ракет, самолётов и крупным заголовком: «СВКН – средства воздушно-космического нападения».

Этот кабинет, как оказалось, был проходной. Я увидел

дверь, оббитую чёрной кожей, с табличкой, на которой было написано:

Уполномоченный Главного управления вооружений
войск ПВО

Эта дверь открылась, – вошёл высокий мужчина средних лет, с короткой стрижкой, военной выправкой, в гражданском костюме. Он неожиданно тепло поздоровался с Андреем, – как с родственником, которого давно не видел.

– Надо поговорить! – он пригласил его в свой кабинет и обратился к женщине, печатающей на машинке: – Валя, организуй нам чаю!

Я с удивлением посмотрел на Андрея. Как он познакомился с ними? Что у них общего?! У нас – гражданское производство. У них – военное. Я даже не подозревал, что на заводе есть такой кабинет. А Андрея здесь все хорошо знали.

Петрович привёл нас в мастерскую, – затемнённое помещение с низким потолком, замасленным железным полом, металлообрабатывающими станками, стеллажами, нагруженными валами, шестернями, болванками.

– Серёга, мы опять насчёт станка, – сказал он молоджавому парню, в замасленной спецовке, кирзовых ботинках, который работал за узким, высоким фрезерным станком.

– Как в прошлый раз? – Сергей недоверчиво посмотрел на Андрея.

– Я тогда не смог, – начал оправдываться тот. – В командировку послали. Закрутился с другими делами. Мы догово-

ривались за семьдесят. Так, кажется?

– Был такой разговор.

– Год назад, – сказал другой токарь, пожилой мужчина с выцветшими глазами, изрезанный морщинами. Он выключил свой станок, погасил индивидуальное освещение, вытер руки о ветошь и подошёл к нам.

– Ладно вам год назад – полгода! Осенью подходил. Я понимаю, что цены выросли, и не возражаю. Договоримся. Сколько?

– Сколько возьмём? – пожилой мужчина внимательно посмотрел на Сергея.

– Вопрос интересный, Вова.

– А ты сам, сколько можешь дать? – к нам подошёл ещё один токарь, толстый мужик с круглым, гладким лицом, деловой, решительный. – Какие у тебя, так сказать, возможности?

– Назначьте цену, а там будет видно. Давайте сядем.

Они сели за стол у большого запylённого окна.

– Целый день на ногах, – продолжал Андрей, угощая всех сигаретами. – Покурить некогда. Сколько?

– А ты сам, сколько можешь дать?

– Вы назначьте цену.

– Сто пятьдесят рублей! – сказал толстый мужик.

Он запросил настолько большую цену, что она стала неожиданной даже для Сергея и Вовы: они удивленно посмотрели друг на друга и опустили головы, скрывая улыбки.

ку. Их устраивала эта цена. Они взяли бы и двести рублей, и триста, если бы Андрей согласился! Петрович тоже удивился. Он посмотрел на Андрея с вопросительной улыбкой. А тот курил спокойно, невозмутимо.

– Я тоже хотел работать токарем, – сказал он. – Когда учился в школе. Была такая мечта. У вас, какая основная работа?

– Каждый раз разная, – ответил Вова. – Штучная.

– Творческая у вас работа, – согласился Андрей. – День за днем шлёпать одно и то же неинтересно. Правильно?

– Кому как.

– Сколько хотите за станок?

– Сказали же, сто пятьдесят рублей! – сказал капризно толстый мужик.

– А не дорого?

– Ты зайди в магазин, – посмотри, сколько они стоят!

– За такие деньги я могу и в магазине купить. Я специально обратился к вам, чтобы подешевле. Ко мне тоже люди обращаются насчёт ремонта телевизоров. Я же не деру с них, а по договоренности. Чтобы и людей не обидеть, и чтобы мне было хорошо.

– Ну, хорошо, сто тридцать.

– Дорого, мужики.

– Дорого? Ты знаешь, сколько сейчас материал стоит? Это раньше он везде валялся. А сейчас не достанешь.

– А какой вам нужен материал?

– Плиту для стола – раз, болванку для вала – два, сталь для ножей – три! А также – подшипники и профиль для крепёжных рам!

– Материал я достану.

Материал они сами могли достать: мужик специально сгущал краски. Тогда он сделал упор на другое:

– А раму варить? Нужен сварщик!

– Я налью стакан, – он сварит.

– За стакан? За литр водки, не хочешь?!

– Поставлю литр, – согласился Андрей. – Всё равно дешевле.

– Ещё ножи нарубить.

– Договорюсь.

– Ладно, сто рублей. Дешевле нельзя. Себе в убыток.

– Дорого, мужики!

– Дорого? А если за рубль?!

– Тогда – два станка! – сказал Петрович и засмеялся.

– Тебе, может, и дорого, но мы не можем работать за бесплатно. Ты тоже пойми нас правильно.

– Вы сделайте мне вал и стол, а остальное я сам сделаю.

Сколько это будет стоить?

– Шестьдесят рублей, – сказал Вова.

– Ты что болтаешь? – толстый мужик посмотрел на него недоумённо, с раздражением. – Соображаешь, что говоришь?

– Нормальная цена за стол и вал.

– Тогда сам и делай!

– Я выточу вал. А Серёга стол отфрезерует. Да, Серёга?

– Можно, – согласился тот.

Мы вышли на улицу. После затемнённой мастерской солнце показалось особенно ярким, слепящим.

– И откуда этот толстый взялся? – недовольно сказал Андрей, надевая солнцезащитные очки. – В прошлый раз его не было.

Мы простились с Петровичем, – пожали друг другу руки.

– Заходи к нам. Не забывай, – весело сказал он Андрею, очевидно, ещё находясь под впечатлением от его разговора с токарями.

– Откуда ты их знаешь? – Я проводил его взглядом.

– Ты лучше спроси, откуда они меня знают?! – он засмеялся. – Отремонтировал телевизор. И с тех пор пошло-поехало! Пошли к Людке Зиминой?

Людя Зимина сначала работала у нас машинисткой. Она любила выпить, не ладила с начальством, и её уволили «по собственному желанию». Тогда она устроилась в какой-то цех кладовщиком, – выдавала расходный инструмент: пилы по металлу, свёрла, напильники, надфили, спецовку.

– А чего ты хотел?

– Мне надо шесть болтов на десять. Если вдруг у неё не будет, сходим на Центральный склад. Там будет обязательно.

Мы ходили по заводу, наверное, уже целый час. Свяжешься с Андреем – потеряешь полдня! А мне надо получить

аванс для командировочных расходов, купить билет на поезд и, наконец, позагорать на пляже. С другой стороны, я давно не видел Люду, мне захотелось узнать, как она живёт.

В кладовой за столом сидела незнакомая женщина с черными, как уголь глазами, зачёсанными назад волосами, в синем рабочем халате.

– А нам бы Люду, – сказал Андрей.

– Она у нас больше не работает.

– Уволилась?

– Работает в тридцать втором цеху.

– Кем?

– Намотчицей.

– А у вас можно разжиться болтами на десять?

– У нас таких нет.

Мы пошли на Центральный склад, который находился рядом. Это склад представлял собой огромный многоэтажный дом, с грузовыми лифтами, несколькими входами, воротами для машин.

– Обратил внимание на её глаза? – сказал Андрей. – Не люблю я такие глаза. Бывает и личико хорошее, и фигурка. А глаза, как головёшки! Меня это сразу отпугивает. Они напоминают мне, – он задумался, подыскивая сравнение, – дуло пистолета! Пистолеты тоже бывают красивыми. Говорит, работает в тридцать втором цеху намотчицей. Интересно, что она там наматывает? Не работалось ей кладовщиком. Дура! Пить надо меньше! Как её Вовка до сих пор не выгнал?

– Давно замечено, что нормальному мужику достаётся дурная баба и наоборот, – я поддержал разговор и вдруг обнаружил, что иду один. Я с недоумением поглядел по сторонам. Андрей исчез. Как сквозь землю провалился! Рядом находились несколько железнодорожных контейнеров. Дверь одного из них была открыта. Я подошёл к этой двери, и увидел Андрея в железном пустом чреве контейнера, внимательно рассматривающего обрезки кабелей, валяющихся на полу.

Андрей ориентировался на Центральном складе так, как будто работал здесь всю жизнь. Не плутая по коридорам первого этажа, уверенно привёл к лифту, и мы сразу поднялись на нужный этаж, потом было опять несколько коридоров, и мы, наконец, оказались на большом складе. Многоярусные стеллажи с ящиками тянулись насколько хватает глаз.

В служебном помещении сидели за столом две женщины, – одна пила чай с конфетами, другая – оформляла какие-то документы. Они с ожиданием посмотрели на нас. Андрей сказал женщине, которая занималась документами, решив, что она главная:

– Здравствуйте, не можете...

Она указала на женщину, пьющую чай.

– Не можете нашему горю, – его тон взывал к сочувствию. – Нам нужно шесть болтов на десять и длиной миллиметров сто.

– А вы, кто такие?

– Из ЭРО. Вся надежда на вас.

– А зачем вам?

– Для отдела. Нужно укрепить дверь.

– Галя, дай им шесть болтов.

– И шесть гаек, – попросил Андрей.

– Какие вам, укороченные или высокие?

– Стандартные, – подумав, сказал он.

– Они все стандартные.

– Высокие. И ещё двенадцать шайб.

– Начинается, – сначала болты, потом гайки.

– Без шайб нельзя: одну – под шляпку, другую – под гайку.

Получив нужное, мы пошли по коридору к лифту.

– Когда просишь, надо знать точные размеры, – сказал Андрей. – Или приблизительные. Потому что здесь очень много болтов.

– А зачем тебе болты? – спросил я, усомнившись, что он хочет отремонтировать дверь в отделе: все двери, по моему мнению, были целые.

– Для станка. Чтобы закрепить рабочий стол к раме.

– Ты бы ещё гроверные шайбы попросил.

– И гаечный ключ. Надо же гайки прикручивать. Правильно?

Потом мы пошли на склад металлоконструкций. Ему нужен уголок и листовое железо. Он собирался делать гараж. Я не оставил Андрея, не пошёл по своим делам только потому, что мне вдруг стало интересно, чем же это всё закончится?

Сколько можно ходить по заводу?

В похожую ситуацию попали, связавшись с Андреем, мои товарищи по работе Виктор Зуев и Валера Садков.

Мы отметили в отделе день рождения Садкова. Как всегда, одной бутылки водки показалось недостаточно. Зуев предложил купить ещё бутылку. Андрей сказал, что у него есть бутылка водки на заводе в камере хранения. Они уехали – Андрей, Зуев и Садков, весёлые, возбуждённые, предвкушающие удовольствие от выпивки. А я остался, решив, что мне хватит. Вскоре Зуев и Садков вернулись, хмурые, озабоченные, и, как мне показалось, трезвые.

«А где Андрей?» – спросил я. «Спроси что-нибудь полегче, – Зуев небрежно, с досадой положил на стол целлофановый пакет с пончиками. – Ты знаешь, сколько мы его ждали? Целый час! Говорит, я сейчас забегу на завод и сразу вернусь. А если Андрюшка зашёл на завод, его ждать бесполезно, как... Как Пятьдесят первый автобус! – Однажды Зуев больше часа ждал автобус, который ходил по Пятьдесят первому маршруту: Сормово – Щербинки. – Мы и закуску купили, – он указал на пакет с пончиками. – Всё. Ждём его. А он не вышел!» – «Так вы не дождались его?» – «Не дождались! Он, может, будет ходить до вечера. Жди его».

Склад металлоконструкций представлял собой большое высокое помещение со стеллажами, на которых лежал металл – трубы, прутки, профиль, листовое железо. Заведующая складом сказала Андрею, как своему древнему знако-

тому, что привезли оцинкованное железо, и ему надо срочно оформлять документы.

– А зачем тебе оцинкованное? – спросил я.

– В деревню – на крышу. – Его родители жили в районном центре Ивановской области.

Рядом со складом металлоконструкций была свалка отходов производства. В больших вместительных корытообразных контейнерах лежали груды металлических стружек, монтажные платы радиоустройств, обрезки текстолита, проводов, труб, прутков. Андрей ходил от контейнера к контейнеру, внимательный, заинтересованный, что-то вытаскивал, разглядывал.

– Ну а здесь, что тебе надо?! – я вдруг разозлился.

Насколько я был раздражён, настолько Андрей – спокоен.

– Я анализирую, – он разглядывал что-то на дне контейнера, – пригодится ли мне та или иная вещь.

Я много раз зарекался ходить с Андреем по заводу. Он никогда не торопился, у него всегда был запас по времени. Ему постоянно было что-то нужно – крепёж, клей, герметик, металл, токарный инструмент, радиодетали. Сегодня мы ходили с ним по заводу два часа, если не больше. Какие два часа – больше! Где только не были – у вояк, в механической мастерской, на складе у Люды, Центральном складе, складе металлоконструкций, свалке отходов производства.

ИЗ РАЗНЫХ ГОРОДОВ

Самолёт, на котором я летел из Смоленска в Москву, был маленький, как микроавтобус. Гул двигателей закладывал уши. Вращающийся пропеллер обозначился прозрачным диском. Мы летели относительно низко: облака были над нами. Вид на землю был, примерно, такой же, как с крыши небоскрёба. Пассажиры смотрели в окна с любопытством, ожиданием новых приятных впечатлений. Дома и автомобили выглядели, как игрушечные; лес, – как трава. Свет падал на землю через проёмы облаков широкими золотистыми полосами. Зелёные острова леса менялись желтеющими полями. Блестели речки и озера. Самолёт раскачивало, кидало вверх-вниз, – это сначала мне нравилось. Но вскоре меня укачало. И не только меня. Пассажиры заметно поскучнели. С мужчиной на соседнем ряду сделалось плохо. Он морщился, потный, в расстёгнутой у ворота рубашке, вытирал шею и лоб платком. Неожиданно щёки у него округлились. Зажав рот рукой, он быстро поднялся и ушёл в хвост самолёта.

Приземлились в московском аэропорту Быково. Я вышел из самолёта с чувством глубокого облегчения: больше не качало и не гудело. Было приятно ощутить тёплое ласковое дуновение ветра, мягкий свет вечернего солнца, ароматы травы и цветов, слышать трескотню кузнечиков.

Автобус подвёз нас к выходу с лётного поля. Среди встречающих были, как всегда, таксисты. Один из них спросил меня:

– На Ярославский, Казанский?

– А сколько возмёмшь?

– Ну, тридцать рублей.

– Не поеду.

– На автобус очередь километр, – он шёл за мной, как при-
вязанный.

– Всё равно не поеду.

Если мне надо в Москву, я добираюсь на электричке. Рядом с аэропортом находится железнодорожная станция. Он запросил тридцать рублей. Билет до Казанского вокзала стоит всего двадцать пять копеек!

На лавочках у аэровокзала, двухэтажного стеклянного, похожего на аквариум, здания, сидели люди. Вечернее солнце отражалось на больших окнах.

В зале ожидания я ознакомился с расписанием рейсов самолётов, которое находилось на треугольной тумбе. Мне нужно лететь дальше – домой, в Горький. Самолёт будет через три часа.

За тумбой было несколько рядов кожаных диванов. Свободные места были. Меня это обрадовало: не придётся ждать вылета на ногах.

Я обратил внимание на малыша, неаккуратно евшего мороженое. Это мороженое было у него на руках, носу, щеках,

рубашке. Родители не следили за ним. Отец дремал, откинувшись на спинку дивана и далеко выставив ноги. Мама устало обмахивала себя газетой.

А потом я увидел на соседнем диване белокурую девушку в коричневом платье ниже колен. Она была красивая!

«Надо запомнить номер рейса», – подумал я, но опять посмотрел на девушку. Сняв туфли, она поставила ноги на дорожную сумку. Её рассеянный взгляд вдруг остановился на мне, стал осмысленным. Она смотрела на меня так, как будто бы старалась разобраться в чём-то. Её взгляд незаметно светлел. Я не ожидал, что она улыбнётся. Мне давно никто не улыбался. Я снова посмотрел на расписание: «Ну и что теперь делать?» Самолёт меня укачал, – я был под впечатлением. А самое главное, мне надо лететь домой. И вдруг эта девушка. Я решил купить билет, а потом подойти к ней.

Я направился к кассе. «Она уйдёт, пока я буду брать билет», – подумал я. Мне это стало настолько очевидно, что я остановился, как вкопанный, как будто упёрся в стену, и пошёл обратно к девушке.

Она по-прежнему сидела на диване, равнодушная. Увидев меня, сдержанно улыбнулась, отвела глаза. А когда я сел рядом, на её лице вдруг появилась растерянность, лёгкая паника. Я не знаю, о чём она подумала.

– Добрый вечер. Вы далеко летите?

– Начинается.

– Вдруг нам по пути? Возможно, мы живём в одном горо-

де.

– Ага, – усмехнулась она.

– На одной улице, – сказал я и удивился: а вдруг мы, действительно, живём в одном городе и на одной улице!

Она очень серьёзно смотрела перед собой. Её губы были накрашены слабой розовой помадой с перламутром, ногти – зелёным лаком. Такой цвет я увидел впервые. Может, сейчас так модно? Смотрелось оригинально. Она изо всей силы старалась быть серьёзной. «Ей не больше двадцати», – подумал я.

По другую сторону от неё сел парень. Я обратил на него внимание только потому, что он заговорил с ней. По интонации её ответа я догадался, что они знают друг друга. «Наверное, муж», – первое, о чём я подумал.

– ...купил на тридцатое, – говорил парень.

– Сейчас – домой?

– На такси, – значительно сказал он.

Они замолчали. И поскольку молчали долго, я сказал ей:

– Душный вечер, не правда ли?

– Душный, – согласилась она.

– А у тебя платье тёмное. Солнце липнет к тёмному.

Кивнув, она разровняла платье на коленях.

– Серьезно, ты далеко летишь?

– В Воронеж.

– Бывал я у вас. Хороший город. Универмаг «Россия».

– Я в отпуск лечу.

– А сама откуда?

– Из Норильска.

– И в Норильске я тоже бывал. Тоже хороший город. Магазин «Космос». Только у вас очень холодно.

– А у нас только вчера объявили, что будет плюс пятнадцать. А так плюс пять было, плюс семь.

– Комары летают?

– Скоро появятся. Такие большие, – она показала, какие они большие. – Постой, а как ты попал в Норильск? Это же закрытый город. И что ты там делал?

– Получил, как все, пропуск. Ремонтировал у вас телевизоры. На телевизионном заводе работаю. Телевизоры ещё не проданы, а уже неисправны. Предторговый ремонт называется. Тебя как зовут?

– Дина.

– Дина?

– Редкое имя?

– А меня зовут Алексей, – кивнул я.

Я видел краем глаза, что парню хочется заговорить с ней. Он пошвырялся в своей сумке, встал:

– Ну, тогда до свидания.

Она кивнула ему. Он пошёл к выходу из аэровокзала.

«Это не муж», – подумал я.

– У меня есть подружка, – продолжала девушка. – Зовут Аля. Тоже редкое имя. Обычно знакомимся с парнями: «Аля». – «Дина». – «Ну, девчонки, какие у вас имена!»

– Ну и чем занимается молодёжь в Норильске?

– Развратом и пьянкой! Водки нет, сухого вина не достать.

Глушат спирт и коньяк за четырнадцать восемьдесят.

– У нас в Горьком коньяк тоже четырнадцать восемьдесят.

– Так ты в Горьком живёшь? А что ты про Воронеж говорил? Ах да, я забыла. И часто ездешь в командировки?

– Часто.

– А жена, что говорит?

– А я холост.

– Холост, – улыбнулась она.

Её глаза были нежно голубого цвета. Я сразу обратил на это внимание.

– Послушай, тебе сколько лет? Двадцать?

– Девятнадцать, – поправила она с такой интонацией, как будто я состарил её на десять лет.

– А мне двадцать семь. Чем хороша моя работа, чувствуешь себя свободным человеком. Могу поехать домой, а захочу – в Воронеж. Приглашай в гости.

– Ты серьезно?

– Да.

– Ты не поедешь, – самоуверенно сказала она.

– А ты пригласишь?

– Даже не придумывай, – посмотрев на меня, вдруг забеспокоилась она. – Нас на порог не пустят. Дед скажет, уже подцепила кого-то.

– Строгий у тебя дедушка.

– Ты не хочешь покурить?

– Давай. Но только я не курю.

Не успели мы выйти на улицу, как какой-то мужик с выпирающим брюшком преградил нам дорогу – таксист!

– Куда едем, ребята?

– Спасибо, не надо, – ответила Дина.

– Ну а всё-таки? Довезу дёшево.

– Послушай, шеф, мы никуда не едем, – сказал я.

Дина постелила большой целлофановый пакет на низкий приступок, который тянулся во всю длину стены аэровокзала, Мы сели, и она закурила.

– Ты знаешь, я с двенадцати дня в этом долбанном Быкове, – говорила она. – Приехала сюда из Внукова. Большую сумку сдала в камеру хранения. Сажу на диване. И тут подходит этот парень. И вот смотрит на меня, смотрит. Куда я пойду, туда и он. И всё смотрит, главное, смотрит. Я не выдержала: «Ну, чего тебе надо?» Да вот, говорит, собираюсь лететь в Брянск. Занял очередь в кассу за билетом. Сообщил, что живёт где-то рядом, про японскую аппаратуру говорил чего-то, про трёхкомнатную квартиру.

– А твои родители давно в Норильске?

– Их привезли ещё маленькими.

– Значит ты коренная норильчанка.

– Сегодня утром ехала в аэропорт, а кругом кочки – тундра. Солнце светит круглые сутки, а не греет, как лампочка. И вдруг до того мне стало жалко расставаться, так жалко. Я

решила, что не променяю этот город ни на какой другой.

– А это что за лак? – Её ногти были выкрашены в необычный зелёный цвет.

– Отечественный. Больно цвет был плохой. Комбинируешь – смешиваешь между собой. Зелёночки чуть-чуть добавишь. Ты не хочешь перекусить?

Столовая находилась в цокольном этаже аэровокзала.

Посетителей было мало. Раздатчица неторопливо протирала тряпкой стойку; женщина за кассой пересчитывала деньги.

– Что там? – спросил я Дину, которая читала меню.

– Мясо тушённое, котлеты полтавские, кофе, чай. А где гарнир? Не написано.

– Смотри ниже.

– Гречка, горох. Представляешь, горох. Больно надо.

– Что будем брать?

– Мясо тушёное с гречкой, кофе.

– Мясо тушёное с гречкой, – попросил я раздатчицу.

– Мясо кончилось, – она подала тарелку с котлетой и горохом.

– Сделайте две порции – с гречкой.

– Гречка тоже кончилась.

– Ну а кофе?

Ничего не ответив, она налила два стакана чаю.

Мы сидели напротив друг друга.

– Ты знаешь, – подбирая вилкой горох, говорила Дина, –

мне всё равно – я хочу есть. Голод не тетка.

Началась пересменка. Уборщица закрыла входную дверь на защёлку. Выпуская посетителей, говорила кому-то за дверью:

– Уже не работаем. Приходите через час.

– Ты, почему плохо ешь? – спросила Дина.

– Расхотелось. Всё на тебя смотрю. – Я опять отметил, что её глаза были голубого цвета.

– Нашёл на кого смотреть!

– Такие встречи бывают редко. И очень жаль, что мы скоро расстанемся.

Уборщица недовольно посмотрела на нас: мы одни остались в столовой. Что-то пробурчав, прошла мимо. Дина передразнила её.

– У тебя, во сколько самолет? – спросила она.

– Уже началась регистрация.

– Не опоздаешь?

– Ты весь отпуск проведёшь в Воронеже?

– Через неделю приедут родители, и мы поедem в Сочи.

Уборщица опять недовольно прошла мимо нас.

– Пускай себе ходит, – сказала Дина.

В Воронеже я могу поселиться в гостиницу. У меня в запасе два рабочих дня, плюс суббота и воскресенье. Мне не хотелось так скоро расставаться с Диной. С другой стороны, у неё свои планы. До меня ли ей будет? Мы совсем не знаем друг друга. А потом врать на заводе, что потерял билет,

что приехал домой из Москвы в пятницу, хотя на самом деле прилетел из Воронежа в воскресенье.

– А в Норильске ты, где живешь? Может быть, оставишь адрес? На всякий случай.

– Записывай.

Мы поднялись из-за стола. Уборщицы не было. Отодвинув защёлку, я открыл входную дверь. У порога стояли несколько человек.

– Уже закрыто? – спросил один из них.

– Заходите быстрее! – сказала Дина. – Заходите!

В зале ожидания было многолюдно, светились вывески с различными указателями. Заглушая голоса, раздавались сообщения о прибытии самолётов, задержках, начале регистрации.

– Может быть мороженого? – я указал на буфет. – На десерт.

– Обожди, – она напряжённо слушала очередное объявление.

– ...к сведению встречающих, – гремело по залу, – совершил посадку самолёт рейса 1862 Ужгород – Быково...

– Я боюсь опоздать, – призналась она.

– У тебя во сколько самолёт?

– В десять.

– А сейчас только восемь. Целый час можешь ни о чём не думать. Потом начнётся регистрация.

– Надо узнать, в каком секторе.

– Они сами не знают. Какой сектор освободится, там и будет.

– Нет, нет, – она выглядела озабоченной. – Я хочу узнать.

В справочной ей ответили:

– Ждите. Объявят.

– А у тебя какие планы? – она спросила меня.

– Я не могу уехать раньше тебя. Я хочу проводить.

Мы решили посидеть на улице: в зале было душно.

Воздух терял прозрачность. Темнело. Она опять постелила целлофановый пакет, и мы сели рядом. Напротив аэровокзала за площадью на постаменте стоял двухмоторный самолёт Ил-14 с квадратными окошками. Рядом с самолётом росло несколько сосен.

– Проводишь меня, а потом куда?

– Уеду на поезде.

Она закурила.

– Я тоже когда-то курил – в седьмом классе. Всё началось с подражания взрослым. Мне повезло – я не пристрастился.

– А я начала курить... – она задумалась. – В шестом классе! – и засмеялась. – Вернее, баловаться начала. И тоже по глупости. А сейчас все домашние знают. Однажды я спросила маму, трудно ли было меня рожать? Обожди, как же она ответила? Говорит, как тяжело с тобой было при родах, так тяжело с тобой и сейчас! Знаешь, мне понравился её ответ. Посмотри, какой хорошенький.

К нам подбежал малыш, лет пяти, в шортах, майке.

– Нравится?

– Да, – кивнул я.

Следом подошла полногрудая молодая женщина и взяла малыша на руки.

– Мама тоже ничего.

– Ну вот.

– Извини.

– Мне отец говорил, что когда-то в Норильск прилетали на этих самолетах, – она указала на Ил-14.

– Тебе в Норильске не предлагают замуж?

Она вытащила из сумки фотографию:

– У меня есть парень. Служит в армии.

На фотографии был запечатлён полнощёкий парень в рубашке.

– Александр.

«Он ещё найдёт себе девушку», – подумал я.

– Как мне надоели эти долбанные туфли, – она сняла туфли и, поставив ноги на сумку, с удовольствием пошевелила пальцами: – Ноги устают ужас как.

Через месяц я забуду её лицо, останется в памяти неясный силуэт. Ещё через месяц я буду помнить, что она мне нравилась. Именно помнить, но уже не чувствовать.

Неизвестно, поеду ли я в Норильск ещё когда-нибудь? Или, может, полететь сейчас с ней – в Воронеж? Поселюсь в гостиницу. Самое главное не думать, что будет дальше. Надо полететь и всё.

– ...регистрация... – гремело очередное сообщение, – ...

Быково – Киров...

– Сдалось им это Быково, – сказала Дина. – Весь день слушаю. Я в Москве или нет? Началась регистрация на самолёт Москва – Киров. Звучит гораздо привлекательней. У нас дома сейчас час ночи, – посмотрев на часы, она сдержала зевок: разница во времени с Норильском была четыре часа.

– У деда отоспишься.

– Буду спать весь день.

– А когда проснёшься, – опять ляжешь спать!

Объявили регистрацию на Воронеж.

Регистрировали и досматривали багаж в соседнем с аэровокзалом здании. Дина достала из сумки паспорт, билет. Я вдруг почувствовал себя посторонним, ненужным, лишним. Дальше ждать чего-либо теряло смысл.

– Ну ладно, Дина, я пойду.

– Задержался ты со мной, – она устало кивнула.

– Ерунда. Счастливо тебе.

– Тебе тоже счастливо.

Окончательно стемнело. По-прежнему на лавочках у аэровокзала сидели люди. Громко, закладывая уши, гудели двигатели самолётов.

Я обернулся. Дверь в зал регистрации была открыта. Я с трудом разглядел Дину среди других пассажиров. Она скрылась за дверью. Я успокаивал себя мыслями, что напишу ей, что приеду в Норильск, и мы обязательно встретимся.

От стоянки автобусов я свернул на прямую улицу. Светились окна домов. Потухшее небо чернело к горизонту. Впереди, где находилась железнодорожная станция, проносился пассажирский поезд, мелькали освещённые окна вагонов.

НЕСЧАСТЛИВАЯ РАБОТА

Виктор Зуев сообщил мне, что Костерина посадили в тюрьму. Меня ошарашила эта новость. Я недоумённо посмотрел на него.

– Серьёзно тебе говорю. Я в Оренбург летал за его «дипломатом». В магазине он украл десять японских кассет. В субботу на складе никто не работал. Его закрыли на складе одного. Он и спёр. Причём, просили по-хорошему. Отдай. Он начал отпираться. Говорит, не брал. Вызвали милиционера. Поймали с поличным. Статья от двух до пяти лет. Глупый, да? Вернул бы эти кассеты. Просили же. Отдай! Не отдал. И дождался на свою голову. А эта женщина смотрит, в пачке не хватает пяти кассет. Подумала, в магазин забрали. Закрыла Костерина на складе. А когда вернулась, – ещё пяти кассет нет. Кто же взял, если не он?

Иван Костерин мог украсть. Мы как-то были с ним в командировке. Он дал мне понять, что хотел украсть фломастеры. На складе магазина, в котором мы работали, чего только не было. И товар лежал от нас на расстоянии вытянутой руки. Он не украл, постеснявшись меня. «И почему я фломастеры не взял? – сказал он, словно бы проверял меня на совместимость. – И удобно лежали. Зря не взял». Я не сказал своё мнение. Но оно было, разумеется, отрицательным. Обыденное условие нашей работы – заваленные «плохо

лежащим» товаром склады магазинов. Но мне даже в голову не приходила мысль что-нибудь украсть!

В автобусе он опустил в кассу одну копейку и открутил два билета на нас двоих. Проезд стоил пять копеек. А потом взял сдачу, объявив, что он опустил двадцать копеек одной монеткой. Пассажиры, оплачивая проезд, давали деньги ему. Я стал его должником: он оплатил мне проезд. В следующий раз он предложил мне оплатить проезд аналогичным образом. Я демонстративно оплатил, как положено. Ему не понравился мой поступок. Он во мне разочаровался.

Больше мы с ним в командировки не ездили. Эта командировка с ним была первая и последняя.

Костерин был человеком неординарным.

Помню, на железнодорожном вокзале я стоял в кассу за билетами. А он решил узнать, где находится камера хранения. Наш поезд был через шесть часов.

– Прикинь, Алексей, мне сейчас уборщиком предложили поработать, – весело сообщил он, когда вернулся. – Смотрю, мужик в форме железнодорожника. Я спросил его про камеру хранения. А он спросил, зачем я приехал? Я ответил, что хотел поступить в институт. Не сдал экзамен. А он мне: «На следующий год. Оставайся! – Костерин вытаращил глаза, изобразив своего собеседника, и продолжил с жарким напором: – Мы тебя уборщиком устроим. Общагу дадим!»

После службы в армии он решил уехать на Север.

– В Тикси строили крупный порт, – рассказывал он. – Ну,

я и написал туда. Мне сделали вызов. Знаешь, я совсем тогда не знал, какая разница между пропуском и вызовом. Когда я прилетел в Якутск, на Тикси мне билет не продали. Говорят, давай пропуск. Какой ещё пропуск? Но я всё равно улетел. Мы приземлились. В самолёт зашли пограничники. Меня за хибон. Трое суток держали. А потом я полетел домой. Так окончился мой Север.

Служба в армии у Костерина была ненормальной: он каждый день рисковал своей жизнью, как на войне. Он рассказал о службе в армии после того, как в программе «Время» сообщили об очередной успешной военной операции наших доблестных войск в Афганистане.

– Героика, – уничижительно сказал он. – А прикинь-ка, у нас случай был. Узкий коридор, как эта дверь, заполнен хлором, – он указал на дверь нашего гостиничного номера. – А ты знаешь, что такое хлор? В нём даже мухадохнет! Такое белое облачко. Соединится с водой, – кислота капает. Накроет дерево, – все листья пожелтеют. Короче, надо спуститься в коридор. И закрыть задвижку. Десять человек в моём подчинении. Кого послать? Ведь не прикажешь. Решил пойти сам.

– Без противогаза? – глупо предположил я, подумав, что в противогазе любой из них смог бы легко закрыть задвижку.

– В противогазе! Но всё равно неприятно. А вдруг что-нибудь? Тут подходит ко мне один парень и говорит: «Давай я. Девчонка всё равно меня не дождалась. Вырос в детдоме.

Давай».

– Слушай, где ты работал? – перебил я, решив, что он говорил о какой-то своей прежней работе.

– На химзаводе, – в армии, когда служил в Зиминском исправительном полку.

– А почему в исправительном?

– Хотели сначала в дисбат отправить. На трибунале, когда дали последнее слово, я сказал, что хочу остаться солдатом. Спасибо адвокату. Надоумил. Меня и определили в этот полк.

– Ничего себе, надоумил.

– Ты хочешь сказать, что в дисбате или на зоне лучше?

– А за что в дисбат?

– Молодому голову проломил.

– Ну и как, слазил парень?

– Мы вместе спустились в тот коридор. А прикинь, ещё один случай. Труба дала трещину, – и хлещет азотная кислота. Из коридора не выскочишь. Ждать нельзя. Затопит. А по колено в кислоте не походишь. Ну, вот как бы ты поступил?

– Не знаю.

– Один парень предложил своей спиной щель закрыть. Прикидываешь? Когда он закрыл, мы все проскочили, затем его под руки и бегом в душ.

– И что с ним стало?

– Он только ожоги получил. Главное, сразу под душ. А вот

ещё: меняли заглушку с фосгеном. А фосген этот – хуже нет. У нас даже противогазы специальные были, – чёрные. И что ты думаешь, один парень зацепился трубкой, – дыхнул газу. Мы его сразу наверх, вызвали доктора. А доктор – молодая баба лет пятнадцати. Ну, не пятнадцати, – двадцати. А парнишка хрипит. Весь дыхательный путь обожжён. Говорю, сделай ему хоть укол! Она сделала. А у него рука уже холодеет. Я его руку держал. Парень, конечно, сам виноват. Я, кстати, тоже чуть не погиб. Хлора дыхнул. Смотрю, вроде, белое облачко. Ну, не знал сначала-то. А как дыхнул, сразу закашлял. До крови. И не могу остановиться. Хорошо ребята меня вытащили. Сразу спирта стакан. Я его, как воду выпил. Помогает, когда хлора дыхнёшь. Там во всех аптечках стоит чистый медицинский спирт. А умер бы, никого не наказали бы: сказали бы, что был пьяный... Сидишь в комнате и смотришь, какая лампочка загорелась. Если жёлтая, значит, хлор. Если красная. Ну, если красная, значит, ртуть закипела или ещё что-нибудь. Командир полка собрал в моём отделении всё отребье, – и тех, кто спорил с командирами, и тех, кто любил выпить. И все мы перемешались. С кем поведёшься, того и наберёшься. И стали мы все водку пить и спорить с командирами. А ты говоришь, Афганистан, – он вдруг опять сказал уничижительно, упрекнув меня, как будто я был сторонником мнения, что только в Афганистане есть место для подвига.

Кстати сказать, о войне в Афганистане говорили посто-

янно. По телевизору сообщали только о победах наших войск. Источником информации о локальных боевых неудачах, неустроенности быта были устные рассказы редких очевидцев.

У нас в отделе один регулировщик, служивший в Афганистане, впервые сообщил мне неприятную правду об уязвимости танков. «Танк, танк, – пренебрежительно сказал он. – Выстрелил с гранатомёта, – и нету танка». Мой одноклассник служил в Афганистане в подразделении, которое ремонтировало повреждённую после боёв технику. Я воспринял равнодушно его скупой информативный рассказ о погибшем товарище. А его глаза вдруг увлажнились.

Однажды я познакомился с прапорщиком, находившимся в отпуске после ранения в Афганистане. Он ходил с тростью. Мы летели с ним из Горького в Саратов. Их разведроту отправили на поиски неразорвавшейся вакуумной бомбы, в то время нового секретного оружия. Один самолёт кидал бомбы, другой – фиксировал взрывы. Душманы опередили их. Привезли бомбу в аул. А она вдруг взорвалась. Наши солдаты пришли в аул, собрали оружие. Их чуть не погубил свой самолёт, когда они остались без рации. Радист повесил тяжёлую рацию на осла. А сам шёл рядом. Вдруг началось большая стрельба. Испуганный осёл убежал вместе с рацией. Они не смогли догнать его. А потом вдруг прилетел штурмовик. Связаться с командованием и лётчиком они не могли. Самолёт зашёл на боевой курс. Они удачно выбежали из секто-

ра обстрела. Лётчик опять атаковал. Они опять уклонились. Лётчик больше не стрелял по ним, догадавшись, что атаковал своих: они не стреляли по нему и подозрительно грамотно выбегали из сектора обстрела. Прапорщик потерял кроссовку, увязшую в грязи сельскохозяйственного поля, по которому они бегали. Ему не дал забрать её командир роты, ударив его прикладом автомата по спине. Если он замешкается, – погибнет. Они воевали в кроссовках. В неудобной армейской обуви воевать было невозможно. Кроссовки покупали в Ташкенте. Однажды в Ташкенте они познакомились с женщинами. Он сказал женщине, указав на своего товарища, который шёл впереди с её подругой: «Спорим, он сейчас упадёт?» Он выстрелил вверх из пистолета. И военный рефлексивно упал, как подкошенный! Война приучила их сначала упасть, а потом выяснять причину выстрела. Следующий выстрел мог быть по нему.

Костерина не посадили в тюрьму. Нам сообщил об этом Михаил Добрый, вернувшийся из командировки в Оренбург. Они случайно встретились на аэровокзале. Настоящая фамилия Михаила – Старцев. Однажды разговор почему-то зашёл о рае и аде. Михаил уверенно сказал, что он в ад не попадёт. «А почему ты в ад не попадёшь?» – насмешливо спросил кто-то. Тот ответил с мягкой обезоруживающей улыбкой: «Я – добрый». С тех пор его стали называть Добрым.

Костерин появился в отделе дня через три после сообщения Михаила. Регулировщики с радостным любопытством

здоровались с ним. В общей сложности его не было в отделе четыре месяца.

– Мне эти кассеты грузчик продал, – объяснял он. – А потом ещё пять штук дал. А тут эта баба пришла с милиционером. Говорит, кассеты пропали. У них, кстати, там много чего не хватает. Решили найти крайнего. Я сначала не понял. А потом говорю, в моей сумке лежат. Три месяца отсидел – ни за что. А на суде всё-таки пришлось сказать, что это я украл. А так бы ещё затянулось.

– И суд был?

– Был. Два года условно и двадцать процентов выплаты из зарплаты. Милиционер говорит, подпишись ещё на один магазин. Тебе всё равно сидеть. Подпишись, чего тебе стоит. Точно сел бы годика на три. А тут этот Добрый увидел меня в аэропорту и как заорёт на весь зал: «Здорово, Иван, а мы уже думали, что тебя посадили!» Я в буфете в очереди стоял. Народ кругом – посмотрели на меня. Даже продавщица высунулась: кого это там чуть не посадили? А я в лёгкой курточке. На улице – мороз. Зима. Четыре месяца, как из дома уехал.

Костерин стал не выездным. Руководитель нашего подразделения Захаров опасался отправить его в командировку: вдруг он опять обворует магазин? Он ремонтировал гарантийные телевизоры на дому у заказчиков, развозил телевизоры заказчикам, которые отремонтировали в мастерской отдела. Кроме предторгового ремонта, наш отдел занимался

ещё и гарантийным обслуживанием.

– На этой работе мне точно не везёт, – однажды он сказал мне. – Вчера с Зуевым развозили телевизоры. Одной бабе затащили в квартиру на пятый этаж. Говорим, включать не будем: с мороза, надо выждать часа два. Распишитесь за доставку. Расписаться она, конечно, отказалась. Говорит, вы все новы детали из телевизора вытащили, поэтому и не хотите включать. А как она нас материла в подъезде! Приезжаем в отдел. Нас встречает Захаров: «Ребята, как на духу, пили сегодня?» – «Нет, конечно». – «А вчера?» – «Не пили». Оказывается, эта дура позвонила в отдел и сказала, что мы были пьяные. Захаров говорит нам: «Как хотите, ребята, а представьте мне справку, что вы оба трезвые. Езжайте в поликлинику на экспертизу». Эта дура пообещала весь отдел оставить без премии.

НЕГАРАНТИЙНЫЙ СЛУЧАЙ

Из окна номера гостиницы был виден последний ряд домов посёлка, подпираемый густым лесом. Наверное, отовсюду была видна окраина: посёлок был небольшой. Зелёный окрас хвойного леса был разных оттенков. Светлая зелень разлапистых сосен перемежалась с тёмной зеленью остроко-
нечных елей.

Я приехал сюда ночью на поезде на прошлой неделе. Интересно оказаться ночью в маленьком, незнакомом посёлке. Уличного освещения нет, низкие дома, кустистые деревья, заборы погружены во мрак. Высокое небо, рассечённое Млечным путём, было усыпано крупными, яркими звёздами. Все давно спали. Спросить было не у кого, где гостиница. Я стоял на тёмном перекрестке, озирался растерянно, напряжённо и никак не мог решиться, в какую сторону пойти.

Каждое утро, уходя на работу, я сдавал дорожную сумку в камеру хранения: замок двери номера был сломан, и сумку могли украсть. Возможно, никто не позарился бы на мою сумку, но мне не хотелось проверять. Ключи от камеры хранения были у администратора гостиницы. Сегодня работала Валя, моложавая женщина с пышным бюстом. Она вдруг боднула меня грудью:

– А вы когда уезжаете?

– Завтра.

– Значит, мы больше не увидимся, – она опять боднула меня и глупо подмигнула. – Я выйду теперь через двое суток.

Торговая база, по телеграмме которой я приехал сюда, не указала количество телевизоров. Гарантийный срок хранения телевизоров закончился. Они попросили продлить гарантию. «В противном случае, – они написали в телеграмме, – будем обращаться в народный контроль министерства вашего ведомства».

Телевизоров оказалось сто двадцать штук. Это было много. Мне предоставили рабочее место – в актовом зале конторы. Телевизоры привозили на грохочущем тракторе с прицепом. Грузчики, освободив актовый зал от стульев, ставили коробки с телевизорами плотными, высокими рядами. Эти плотные, высокие ряды телевизоров произвели на меня удручающее впечатление. Настроение товароведа, женщины средних лет в очках, было противоположным. На её лице был запечатлён энтузиазм, чувство облегчения, что я решу их проблемы.

Не знаю, где они хранили телевизоры, мне показалось – на улице. Железные каркасы блоков были изъедены ржавчиной, на монтажных платах – следы сырости: потёки, разводы воды. Попадались пауки – настоящие, большие, которые залезли в телевизоры через ручки – сквозные отверстия в коробках.

Из ста телевизоров, которые я проверил за эти дни, были неисправными восемьдесят. Сначала я пытался их ремонти-

ровать, а потом понял, что не смогу это сделать физически. У меня не было столько радиодеталей. Например, предохранители закончились у меня в первый день. Они нарушили правила хранения. Я никогда раньше не видел, чтобы каркасы блоков были изъедены ржавчиной!

Я вернулся в гостиницу вечером, уставший и голодный.

В комнате администратора сидели на диване Валя, утром сказавшая мне, что мы больше не увидимся, и Денис, молодой толстый мужчина из соседнего номера. Он шептал ей на ухо. Она смотрела в сторону с кривой улыбкой и крепко держала его за запястье. Когда я вошёл, они отстранились друг от друга.

– Ты же говорила, что придёшь через двое суток, – сказал я.

– А вот пришла! – она засмеялась и подмигнула. – Проведать!

Валя открыла камеру хранения. Я забрал дорожную сумку. Приготовил ужин: заварил в пол-литровой банке чай, нарезал хлеба, колбасы.

Валя ходила по гостинице, как маятник: из комнаты – в коридор, из коридора – на улицу. Я не знаю, чем она занималась. Денис ходил за ней, как привязанный, смотрел на неё нетерпеливо, со сдержанным раздражением.

Денис работал на каком-то крупном заводе, – это, пожалуй, единственное, что я знал о нём. О его месте работы я узнал из его рассказа, в котором труба завода была сценой

признания в любви. А сцену признания любви он вспомнил, увидев лозунг «Слава КПСС» на здании почты, находившейся напротив нашей гостиницы. Здание почты было выложено белым кирпичом, а лозунг – красным.

«У нас на заводе был случай, – рассказывал он. – Однажды утром на самом верху семидесятиметровой трубы появилась надпись: „Маша, я тебя люблю“. Написали ночью. И, скорее всего, двое. Не может быть, чтобы написал один! Они залезли на самый верх трубы, перебрались на другую сторону. Один спустился по веревке, другой опустил ведро с краской. Они работали на высоте семьдесят метров! Представляешь? – Денис с удивлением посмотрел на меня. – Было написано в три ряда и очень крупно. Первый ряд: „МАША“. Средний ряд: „Я ТЕБЯ“. И последний ряд: „ЛЮБЛЮ“. Сразу, конечно, перетрясли всех Машек, – вызывали, спрашивали. Охрану – в пух и прах! Выговоров понавтыкали! Вызвали бригаду высотников, чтобы закрасили. Один день готовились к работе, закрасили – на второй. Мы потом долго смеялись. Написали за одну ночь. Закрасили – за двое суток! Я спросил главного инженера: „Ну, и во сколько обошлась эта любовь?“ В триста рублей денег и восемнадцать литров спирта!»

После ужина я решил посмотреть телевизор. Зал, в котором был телевизор, оказался запертым. Я пошёл за ключом к Вале, и опять помешал им. Денис массировал ей грудь, страстно целовал в губы.

– А дверь, конечно, закрыть было трудно, – нагло сказал я.

Валя поднялась с дивана, пунцовая, возбужденная, поправила платье.

Она тоже изъявила желание посмотреть телевизор. Мы сидели на диване втроём, – она сидела между мной и Денисом.

– А что у тебя часы так странно показывают? – она взяла мою руку и посмотрела на часы. – Сколько сейчас времени?

– Это московское время.

Город Горький, в котором я живу, и Москва были в одном часовом поясе. Разница с этой местностью была шесть часов. Я прибавлял шесть часов, получалось местное время.

– Переведи часы, а то запутаешься, – посоветовал Денис. – У меня знакомая в Новосибирске подсчитала, что поезд придёт через три часа по новосибирскому времени. А у самой часы показывали читинское время. Как хорошо, говорит, у нас в запасе три часа. Поехала в город. И опоздала на поезд!

Я специально не переводил часы на местное время: расписания движений поездов, самолетов были даны по московскому времени.

– Ты живёшь один? – Валя спросила меня, зная о том, что я живу один в двухместном номере.

– Один.

– Ну, так я приду.

– Приходи.

– Я шучу! А сколько времени? – теперь она обратилась

к Денису, взяла его за руку, посмотрела на часы. – Без двадцати. А почему вы молчите? Ну, так правда? – она опять подмигнула. – Я приду! А сколько времени? Я пошла!

Денис проводил её жадным взглядом:

– Я уже разложил её на диване. Всё! А она говорит, попозже. Ну, попозже, так попозже! Она же бухая. Ты не заметил?

Денис куда-то ушёл. Наверное, к Вале. А я пошёл в свой номер.

Задержался я в этом посёлке. Но завтра меня здесь не будет, – уеду на вечернем поезде. Мне предстоял завтра неприятный разговор с товароведом. Они нарушили правила хранения. О какой гарантии может идти речь? Чем дольше телевизоры будут храниться на их дырявом складе, тем больше будут портиться. Похоже, эти сто двадцать телевизоров зависли у них навсегда.

КОЛЛЕКЦИЯ ИСТОРИЙ

Игорь Семёнович Белоусов, пожилой мужчина, с серыми живыми глазами, красными прожилками на мясистом носу и дряблых щеках, угостил меня свежим, крепким чаем, шоколадными конфетами. У него был самодельный электронагреватель, от которого вода в стакане закипала очень быстро. Случай свёл нас в крупном забайкальском городе Чита, гостинице «Ингода». Большое окно нашего двухместного номера выходило на кинотеатр «Удокан», улицу с магазинами.

Был тёплый августовский вечер. Город светился окнами квартир, уличными фонарями, неоновыми вывесками, красные, зелёные, синие блики которых густо, насыщенно отражались на асфальте.

Мы пили чай за столом напротив друг друга. Он говорил о бесхитростных, обычных вещах. Ему надо к дочери в Краснокаменск, районный центр Читинской области. Раньше он тоже жил в Краснокаменске, а когда ушёл на пенсию, переехал в Саратов, город на Волге, в пяти тысячах километрах отсюда. Я слушал его невнимательно, но вдруг насторожился: он начал рассказывать интересно.

– Вызывает меня к себе Бубнов, собирайся, говорит, поедешь в командировку на месяц. Там, говорит, два экскаватора. Своих механиков нету. Отладить машины некому. Я отвечаю, что я один не справлюсь за месяц, что нужен по-

мошник. «Бери кого хочешь!» Я взял Андрея Куликова. Он сразу обрадовался: «Спасибо, Семёныч! А куда ехать-то?» Сам знаешь, лишь бы уехать куда-нибудь подальше! Собрались мы, сели на самолет. И через два дня были в Краснокаменске. Поселились в общагу. Первый день, как всегда, конечно, пили. К работе приступили на третий день. Осёвка, центровка, поворотный круг. Надели гусеницы. Сам знаешь. Управились с работой за два месяца. Вызывает меня Онищенко. Думаю, зачем вызывает? «Ты знаешь, – говорит мне, – оставайся у нас. Оклад хороший. Нам специалисты нужны». – «Не могу, Василий Петрович, надо посоветоваться с женой. У меня большая семья. Вся жизнь пойдёт кувырком. Представляете? У меня, понимаешь, жена, две дочери, я сам, мать, отец». Мать и отец жили в Саратове. Это я до кучи, чтобы, значит, получить трёх-четырёхкомнатную квартиру, если что. «Какой разговор, – согласился Онищенко, – сдадим первый дом, – выберешь любую квартиру!» Вернулся домой. Жене, мол, так и так, собирайся. Жена: «Я никуда не поеду!» Вопрос решённый, говорю, уеду один!

Короче говоря, приступил к работе. И в первый же месяц заработал семьсот рублей и триста подъёмных! Отослал жене восемьсот рублей. Ей-богу, Алексей, не без гордости отправил. Пусть, думаю, удивится. И что ты думаешь? Не прошло и недели, как посыпались письма. Слушок-то прошёл, что я выслал Нинке восемьсот рублей! И товарищи по старой работе решили, если я выслал столько, значит, зарабатываю

в два раза больше! Семёныч, пишут, походатайствуй, замолви словечко, – его голос стал просящим, заискивающим, – мы с тобой старые товарищи. Слушай, Алексей, – он посмотрел на меня с видом человека, которого обвинили напрасно, – ты извини, что я так говорю. Я недавно вставил зубы. Никак привыкнуть не могу.

– Вроде, ничего, – сказал я. Он, действительно, шепелявил. Я привык к его говору и уже не замечал.

– А хочешь я тебе, Алексей, расскажу, как продавал машину? – он оживленно посмотрел на меня. – Я купил «Москвич 412», – уже здесь, в Краснокаменске, отдал, как сейчас помню, пять тысяч рублей. Откатался год. И появились у нас «Жигули». Машина скоростная, манёвренная. Что ты! Зимой едешь в одной рубашке. Хочешь сто – едешь сто. Хочешь сто двадцать, – пожалуйста! Мечта, а не машина! Загорелась у меня душа! И решил: продаю «Москвич», покупаю «Жигули»! Андрей Куликов говорит, пиши на меня доверенность, я твой «Москвич» продам в Иркутске за семь тысяч. Я согласился, говорю, продай хоть за десять, а мои пять верни. Заверил доверенность у нотариуса, отдал Андрею машину. Неделию от него нет ни слуху, ни духу, – он с недоумением пожал плечами, как будто до сих пор не мог понять, – другую неделю. Жена заволновалась, слушай, говорит, ты кому отдал машину? Я, мол, так и так. Она уезжала в Кисловодск по путевке. Ты, говорит, сообщи мне, что бы я это, не думала ничего такого, понял? Андрей появился че-

рез месяц. Отдал пять тысяч. Говорит, пересчитай. Я пересчитал. Андрей был с товарищем. А теперь, говорит, напиши бумагу, что я отдал тебе деньги. Я написал, расписался. Расписались все – и его товарищ, как свидетель. Мы это дело обмыли. Деньги я спрятал под матрац. В общем, выпили. Показалось мало. Андрей сбегал за второй бутылкой. А потом – за третьей! Место под матрацем мне показалось ненадежным, я перепрятал деньги в шифоньер, засунул в унты. Затем мы опять что-то пили. Я говорю, ладно, ребята, хватит. Они ушли, а я опять перепрятал деньги, в другое место – на кухню, в ящик на верхней полке.

Просыпаюсь утром, поднял матрац, – нету денег! Всю постель перевернул. Не помню, куда спрятал! Ладно. Пошёл на работу. А у самого деньги не выходят из головы. Вернулся с работы. Опять обсмотрел всю квартиру. Куда я только не лазил! Позвонил Андрею: так и так, мол, не могу найти денег. У меня жена в Кисловодске, если узнает, умрёт от инфаркта. «Да ладно тебе, Семёныч, ты же их положил под матрац, затем перепрятал в унты, всё дверью шкафа хлопал». – «Ну, хлопал, хлопал, а денег-то нет! Давай искать вместе». Разделили мы комнаты. Пошёл я на кухню, взялся я за ящик на верхней полке, а деньги так и посыпались. По этому поводу мы опять выпили!.. А что у нас по телевизору? – он посмотрел на телевизор, который стоял рядом с моей кроватью. Я включил телевизор: мне было ближе.

Однажды моим соседом в комнате отдыха на железнодоро-

рожном вокзале города Мичуринска, районном центре Тамбовской области, знаменитом яблочном крае, оказался молодой мужчина импозантной внешности: высокого роста, рельефными, тренированными мышцами, золотистыми длинными волосами, утонченными, благородными чертами лица. Такие играют в кино героев. Обычная, размеренная жизнь была не для него, – это сразу угадывалось, – была в нём скрытая, могучая сила, жажда действия. Его жена погибла, выбросившись из окна; с подачи шурина, милицейского начальника, его обвинили в убийстве, но суд оправдал, тогда шурин упрятал его в дурдом, сейчас я не помню по какому поводу; его выпустили через два года со справкой, что он псих. «Тебе эта справка ещё пригодится», – успокоил врач. Он не вернулся на прежнее место жительства, в крупный заполярный город, он вернулся на родину, известный город металлургов, шахтеров, хулиганов. Сейчас я не помню, чем он занимался в этом городе, на какие деньги жил. В моей памяти осталась такая картина: ресторан, драка с милицией, охотничий нож, какая-то женщина. Его не посадили только потому, что у него была справка. «Врач не обманул, – улыбнулся он. – Пригодилась справка!» Он рассказывал интересно, с оригинальными, неожиданными подробностями, которые придавали его повествованию неповторимый, исключительный аромат – о моральном климате на прежнем месте работы в заполярном городе, жене, которая выбросилась из окна, суде и судьях, порядках в дурдоме. Его речь изобилова-

ла юридическими терминами, статьями Уголовного кодекса. Он рассказывал несколько часов подряд! Я не записал по горячим следам. А через месяц уже ничего не помнил, то есть, совсем ничего! Я до сих пор жалею, ругаю себя.

Рассказ Игоря Семеновича мне тоже показался любопытным. Я решил записать его утром, когда останусь один. Но вдруг испугался, что забуду. Моя память оставляла желать лучшего. Игорь Семенович смотрел телевизор. А я взял тетрадь, ручку и вышел из номера.

Я сел на диван в общем зале, деливший длинный коридор пополам. Было тихо, спокойно, как в библиотеке. Постояльцы гостиницы, время от времени появляющиеся в коридоре, не обращали на меня внимания.

Игорь Семёнович по-прежнему смотрел телевизор, – лежал на кровати, в очках, полосатой пижаме. Ему было скучно смотреть телевизор.

– Алексей, ты был в Ленинграде? – спросил он.

– Я там служил.

– Да? – он удивился. – Я тоже служил в Ленинграде, в 1944 году. После десятого класса меня направили учиться на офицера в морское училище. Учился, я тебе скажу, неплохо. Однажды в патруле познакомился с девочкой, Таней Филипповой. Соскучился по женскому обществу за восемь месяцев! Поговорили, посмеялись, договорились встретиться. Времени до вечерней справки было много. Я пролез под забором. Там ещё бутылки, консервы американские валялись,

разный мусор. Встретились, поговорили о том, о сём. Я успел к вечерней справке, но старшина заметил, что меня не было. Спросил: «Где был?» Если бы я знал, Алексей, – он сказал вдруг упавшим голосом, – какое постигнет меня наказание, я никогда бы не сказал правду! Лучше бы я солгал, что заснул под забором! «Прогулялся по набережной», – отвечаю. Старшина вычислил, что меня не было в училище больше двух часов. Доложил взводному, тот, в свою очередь, – командиру роты. За отлучку более двух часов по закону военного времени полагается трибунал! Повели меня к начальнику училища. Тот выслушал и говорит: «Учитывая вашу молодость, мы не отдадим вас под трибунал, но из училища отчислим». Утром перед строем зачитали приказ: «Курсанта Белоусова Игоря Семёновича отчислить из училища за то, что он был в самовольной отлучке полтора часа». Полчаса они скостили, – с сарказмом сказал он. – Не ожидал я, конечно, что так получится. А что я, думаю, напишу родителям, девочке, с которой дружил в школе? Голова вот такая сделалась! Теперь все ребята строятся, учатся. Мы строились двадцать раз в день. На зарядку – стройся! В казарму – стройся! На завтрак – стройся! А я целыми днями чистил картошку. Приехал за мной офицер. Командир роты сказал, чтобы я забрал у старшины свои вещи. Я иду злой, думаю, конец. Суд – штрафной батальон – поминай, как звали! Говорю старшине: «Давай мои шмотки!» – «Зачем?» – «Пошёл ты на...». Честно скажу тебе, Алексей, так и послал его, стукача. Думаю, всё

равно пропадать. Сели мы на катер и поехали, как я потом узнал, в Кронштадт. Офицер спрашивает меня: «За что тебя отчислили?» А я как заплачу! Он похлопал меня по плечу: «Ладно, не унывай. С кем не бывает». Финский залив, Балтийское море. Я никогда раньше не видел моря. Жил я в Узбекистане. А в Узбекистане, какое море? Попал я в учебку на шифровальщика. Ты был в Кронштадте, Алексей?

– Не довелось. – Я служил в Красном Селе, пригороде Ленинграда.

– Я выучился на шифровальщика и попал в спецкоманду. По мирному договору флот Германии был разделён между Англией, США, Францией и нами. Получив тральщики, мы сделали переход в Чёрное море. Но прежде зашли в Англию, Гибралтар и Мальту. В Англии, Алексей, я впервые увидел вот такие огурцы, – он с удивлением показал длину огурцов, получилось с полметра. – И вот отслужил я три года. Вызывает меня командир корабля. Садись, говорит, Белоусов, а не скажешь ли ты, почему тебя выгнали из училища? Я, мол, так и так, по своей же глупости. А не хочешь ли ты, предложил он, опять учиться на офицера? «Никак нет, товарищ капитан второго ранга» – «Это почему?» – «Надо посоветоваться с родителями». – «Ты что, Белоусов, заливаешь?! Ты у нас главный шифровальщик! Фигура! – У меня был пистолет. Меня охранял часовой, когда я ходил в штаб. – Советоваться он с бабушкой вздумал. Подумай и доложи!» Я согласился. Отослали меня в Выборг, город под Ленингра-

дом, где я и окончил трёхгодичное интендантское училище.

– Почему интендантское? Вы же шифровальщиком были.

– Не знаю! Послали и всё. Я окончил училище с отличием. Опять попал на Черноморский флот. Женился. Получал две тысячи, старыми деньгами. Двести рублей – по нынешнему. Так, может быть, и остался бы я на флоте, но вскоре попал под сокращение. Армию сократили на миллион двести тысяч человек. Собрали нас, шестьдесят человек, повезли в Штаб флота. А зачем? Никто не знает. Начальник штаба обрадовал: «Не хотите демобилизоваться? Подумайте». А потом начал вызывать по одному. Меня тоже вызвал. А чего мне, отвечаю, когда я вам был нужен, вы меня призвали. Теперь не нужен, – стало быть, увольняете. «А как семья?» Чего, говорю, семья? Жена, дочка. Демобилизовали меня, – с горькой усмешкой сказал он. – Да, – он поднял кверху палец, подчеркивая значение момента, – нам зачитали приказ, что местные власти помогут демобилизованным устроиться на хорошую работу.

– А из тех шестидесяти оставили кого-нибудь?

– Всех уволили! Вернулся я, значит, домой, в Узбекистан. Встал на учёт в военкомате. И помня тот приказ, о помощи с устройством на работу, обратился к начальнику военкомата. Он увидел меня, поднялся из-за стола: «Что нада, дарагой? Какая судьбой к нам?» Так и так, отвечаю. Старший лейтенант запаса. Начал служить на Балтике, окончил на Чёрном море. Помогите устроиться на работу. А он да-

же и не слышал о таком приказе. «Какой специальность имеешь?» – «Окончил трёхгодичное интендантское училище». Короче говоря, он посватал меня бухгалтером. Я пришёл туда, поговорили. «А какой у вас оклад?» – «Шестьсот пятьдесят рублей». Шестьдесят пять, по нынешнему. Раньше я получал две тысячи. И это только хватало жене. Я ходил во всём казённом. Не, думаю, маловато. Опять – в военкомат. Он увидел меня, вытаращил глаза: «Что такой?... Падажди!» Опять посватал на должность бухгалтера – в другую организацию. «А какой у вас оклад?» – «Шестьсот семьдесят пять рублей». Я больше не ходил в военкомат. Вернулся домой. День сижу, два сижу. Жена уже шепчет, что не хорошо, мол, объедать стариков. А пока я сидел дома, – он интригующе посмотрел на меня, – я узнал, что мой школьный товарищ работает в каком-то Каркане, в ста километрах от нас. И получает большие деньги – три-четыре тысячи рублей в месяц! Бывает дома по воскресеньям. Я дождался его, расспросил. Говорит, добываем руду. Мы уехал в Каркан. Я сказал в отделе кадров, что я старший лейтенант в отставке, начал службу на Балтике, окончил на Чёрном море, – его выражение лица приняло усталое выражения: похоже, ему надоело перечислять, где он служил. – И ты представляешь, – он обескуражено развёл руками, – мне опять предложили должность бухгалтера! Ну, думаю, ладно! «А сколько у вас оклад?» – «Тысяча двести». Ха-ха! – он радостно потёр руки. – Тысяча двести рублей! Жить можно! Тысяча двести, плюс тридцать

процентов коэффициент, плюс шестьсот рублей за старлея. Офицеру, уволенному в запас не по пенсионному возрасту, ещё год платили за звание! Вернулся домой, получил паспорт, опять приехал в Каркан. А мне и говорят: «К сожалению, мы не можем взять вас на работу бухгалтером. – У меня сердце сразу упало. – Будете мастером сантехником». – «А какой оклад?» – «Тысяча шестьсот рублей!» – сказал торжественно Игорь Семёнович. – И вот, Алексей, потихоньку начали копиться деньги. С жильем было плохо. Я построил землянку, завёл корову.

– Землянку? Какую землянку?

– Самую обыкновенную, – кивнул он. – Землянку. Обложил стены кирпичом. Ну, как вспомню, как начинал, самому не верится! А сколько времени? – он спохватился и поглядел на стол, на котором лежали его часы.

Было десять вечера.

– Извини, Алексей, мне завтра рано вставать, – Игорь Семёнович начал разбирать постель.

А я взял ручку, тетрадь и вышел в коридор. А что мне оставалось делать?

ОДНАЖДЫ В ТУРЛАГЕРЕ

Туристический лагерь «Горизонт», принадлежащий нашему заводу, находился на правом берегу реки Серёжа рядом с деревней Старая Пустынь – это примерно в ста километрах от города, в Арзамасском районе. Река здесь течёт через карстовые озёра Широкое, Паровое, Глубокое и Долгое, подпираемые густым лесом. Самостоятельно не догадаешься, что эти живописные природные образования озёра. Они напоминали широкие разливы, заводи, затоны. Река несудоходная. Лес смешанный. Места безлюдные.

Лагерь был комфортным для летнего отдыха: щитовые домики, столовая, клуб, бильярдная, библиотека, лодочная станция, спортплощадка, детский городок. Стоимость двухнедельной путёвки с питанием была символическая – всего двенадцать рублей.

Этот лагерь мне запомнился в первую очередь тем, что я познакомился здесь с девушкой, которая мне понравилась. Но я поступил беспечно, легкомысленно, не сделав ничего для продолжения нашего общения, как будто был падишахом, избалованным вниманием самых красивых женщин.

Я оказался здесь случайно, не по своей воле. Был конец мая. Лагерь начинал работать с первого июня. Срочно требовались рабочие для благоустройства лагеря. С нашего отдела отправили двух человек – меня и Петра Мальцева.

Мы не возражали бы, если бы нас отправили среди недели. Но работать предстояло в субботу и воскресенье. Все будут отдыхать, а мы – работать. Несправедливо.

– За субботу получите день отгула, – успокоил нас руководитель нашего подразделения Захаров. – А в воскресенье до обеда у вас там будет комсомольский воскресник. Свежим воздухом подышите. И домой отвезут. Поезжайте!

Выехали в лагерь в пятницу во второй половине дня. Я думал, мы поедem на заводском автобусе, – поехали на грузовой машине в тентованном кузове. Нас было, может, человек десять. Все – молодые парни. Сидели на деревянных лавках, находящихся у бортов. Моё очередное предположение, что я утомлюсь ехать на жёсткой лавке, опять не сбылось. Дорога была хорошая. Нас не трясло, не кидало.

Дорога постепенно мельчала. Сначала была федеральная, затем региональная и местная. Лес, напротив, становился гуще, мощнее, стремящийся поглотить дорогу, сомкнувшись над ней кронами. Последние километры мы ехали в сплошном лесу. Дорога была настолько узкая, что, казалось, не разъедешь со встречной машиной. Асфальт был усыпан сосновыми и еловыми шишками, жёлтыми иголками, густо сметёнными на обочины.

Смешанный лес, в котором находились домики лагеря, казался девственным. Но его, конечно, облагородили: проредили, подчистили, убрав «лишние» деревья, валежины и сучья. Преобладали сосны. Ещё были, разумеется, берёзы,

а также ели, липы, осины и неприметные молоденькие дубы.

Сильно пахло ландышами. Эти несоразмерные цветы росли здесь целыми полянами. Крупные вытянутые листья казались громадными и могучими по сравнению с крохотными нежными хрупкими цветочками, похожими на колокольчики. Меня удивила необычная расцветка ёлки: я или не знал о её весеннем наряде, или хорошо забыл. Старая хвоя, если так можно выразиться, была тёмная, а новая на кончиках веток – нежно светлая. Ёлка словно бы, как смелая модница, нарядилась в красивое кружевное платье!

Музыкальным сопровождением была разноголосица невидимых птичек и беззаботный шум листьев ветвей, качаемых лёгким ветром. Время от времени раздавался повторяющийся стук, похожий на пулемётную очередь. Наверное, работал дятел.

Щитовой домик, в который мы поселились, был двухместный, с большим окном, старомодными железными кроватями.

У нас была бутылка водки. Мы выпили её после ужина. Пётр пригласил нашего нового знакомого Сергея, приехавшего с нами и поселившегося в соседнем домике. Мы познакомились, ища вместе завхоза. Нам сказали получить у завхоза постельное бельё, а где его найти – не объяснили. В столовой мы сидели за одним столиком. К нам подошла официантка, приятная стройная девушка, и удивлённо сказала: «Сергей, а ты как здесь оказался?» Тот ответил со счастли-

вой улыбкой: «На тебя, Наташа, приехал посмотреть». Я думал, он пошутил или сделал комплимент. А он специально приехал ради неё.

Сергей сначала отказывался от предложения выпить: «За чем? Не надо. Спасибо. Нет, нет. Я не хочу». А потом всё-таки согласился.

Как я понял, Пётр пригласил Сергея ради новой информации. Моего товарища тяготила наша работа, связанная с постоянными командировками. Мы ездили по всей стране, как заведённые. Ему хотелось сменить место работы. Он спросил Сергея, где тот работает на заводе, кем и какой у него оклад. Ещё он деликатно спросил о Наташе. Она тоже работала на нашем заводе в том же отделе, где и Сергей. Её командировали сюда, как и нас, – с той разницей, что мы приехали на два дня, а она – на две недели.

Из закуски у нас была баночка маринованных пупырчатых вкусных огурчиков. Сергей принёс банку рыбных консервов. Водка была тёплой и противной. По мере того, как мы хмелели, она становилась лучше, вкуснее и закончилась в самый неподходящий момент: мы не отказались бы выпить ещё немного.

Уже стемнело. Сергей ушёл к Наташе. А мы пошли через лес на свет прожектора, надеясь познакомиться с женщиной.

– Я люблю разнообразие, – сказал Пётр. – А то с тоски подохнуть можно. Может, с кем и познакомимся.

На поляне, освещённой прожектором, играли в волейбол. Среди играющих были и женщины, цель нашего поиска. Мы присоединились, не нарушив численного равновесия. Пётр стал по одну сторону сетки, я по другую.

Согласно правилу игру, мы перемещались по кругу. Я оказался у сетки. В команде соперников напротив меня стояла какая-то обычная девушка, в спортивном костюме и кроссовках. И вдруг эта обычная девушка оказалась настолько красивой, что я остолбенел! Я в упор смотрел на неё. Мы стояли нос к носу, разделённые волейбольной сеткой. Она делала вид, что не замечала меня, и выглядела недовольной: возможно, её раздражал мой бесцеремонный взгляд. Мне подали мяч. Я запоздало отчаянно кинулся к нему, но всё-таки в последний момент смог дотянуться и перекинул за сетку.

Из нашей компании только один парень хорошо играл в волейбол. Его атака всегда заканчивалась голом: он вонзал мяч вертикально в высоком прыжке. А когда была его подача, этот кручёный мяч, летящий, как из пушки, тоже было трудно принять. По всей видимости, он был спортсменом профессионалом

Я увидел, что понравившаяся мне девушка уходит. Мне тоже нужно было выйти из игры, догнать её и познакомиться. Но я этого не сделал. Оправдывая свою нерешительность, я подумал, что девушка некрасивая. Дескать, мне показалось, что она красивая. Было темно. А в темноте они все выглядят красивыми. Я уподобился той лисе из знаменитой бас-

ни Крылова, которая не смогла сорвать виноград и объявила, что виноград был кислым: «На взгляд-то он хорош, да зелен – ягодки нет зрелой: тотчас оскомину набьёшь».

Мне было тем обиднее, что игра вскоре прекратилась. Наверное, они играли давно. Им это надоело. Ушёл парень, хорошо игравший в волейбол, забрав с собой мяч. Наверное, это был его мяч. Существование нашего коллектива без мяча сразу потеряло смысл. Все куда-то разошлись. Мы с Петром остались вдвоём.

Пётр предложил пройтись по лагерю. Он был уверен в том, что мы обязательно найдём, как он выразился, свободный женский коллектив. Я с готовностью согласился, надеясь опять встретиться с понравившейся мне девушкой. Её чудный образ никак не выходил из моей головы.

Лесная тропинка, по которой мы шли, была переплетена выступающими корнями, не заметными в темноте. Мы постоянно спотыкались о корни. Впереди светили какие-то фонари. Слева и справа от тропинки светились окошки домиков.

– Обожди-ка, – насторожился Пётр.

Мы остановились. Я услышал тихую музыку. Именно эта музыка и привлекла внимание Петра. Музыка, вроде бы, исходила с левой стороны, где чернел близкий лес. Пойдя к лесу, мы не ошиблись с направлением: музыка становилась громче. Потом на тёмных листьях кустов и деревьев появились какие-то непонятные таинственные розовые отсветы. Я

не мог объяснить причину этого явления. Моему недоумению не было предела. Что-то красненькое. Что это такое? А этими отсветами оказались обычные блики костра, разведённого на поляне за изгибом леса. Костёр тут жгли, видимо, постоянно. Был заготовлен большой запас дров.

Играл магнитофон, стоявший на поленнице. Здесь было две девушки и шесть парней. Я специально пересчитал. Парней было ровно шесть. Девушки, похоже, были чьими-то подругами. То есть нам здесь ничего не обломиться.

Мы решили посидеть у костра. Посидеть перед сном у костра была хорошей альтернативой сумбурному поиску неуловимых женщин.

Искры костра стремительно взвивались, – казалось, к далёким таинственным недоступным звёздам, – и сразу гасли.

Костёр настроил меня на философский лад. Дескать, по сравнению с жизнью звёзд, наша жизнь так же коротка, как жизнь этих искорок. Эти же звёзды светили строителям египетских пирамид. Сегодняшний вечер, который я ощущаю каждой клеточкой своего организма, незаметно станет седой неправдоподобной древностью. Наши имена изглядятся из истории, как будто нас никогда и не было. От нас даже праха не останется. А эти же звёзды по-прежнему будут светить.

Я вдруг понял, что девушки не были чьими-то подругами. Парни, сменяя друг друга, старались добиться их расположе-

ния. Пётр тоже попробовал. Он пригласил девушку на медленный танец. А после танца что-то сказал ей. И они ушли, – бесследно канули в темноту. Меня удивило, с какой готовностью она согласилась уйти с ним, как будто он заколдовал её. Интересно, что он сказал ей?

Я вернулся в домик. Лёг спать. Но сон не шёл. На новом месте всегда плохо спится. Кроме того, мешали комары. Я убил несколько штук. Наконец я стал засыпать. И вдруг: у окна домика слышались шаги. Затем кто-то подошёл к двери. И стало тихо.

– А если он не спит? – приглушённо с недоверием возразила женщина.

– Спит он, – успокоил Пётр и громко спросил: – Алексей, ты спишь?

– Сплю, – ответил я.

– Ну, спи, – он засмеялся, а затем весело хохотнула его знакомая.

Утром я проснулся от звона будильника моих ручных часов. Я поставил будильник на полвосьмого – за полчаса до завтрака. Удивлённо посмотрел на безмятежно спавшего Петра: я не слышал, как он пришёл. Разбудил его. Он отвернулся к стене и сказал, что ещё минутку полежит. Оказывается, он пришёл в четыре утра.

Мы пошли к общему умывальнику, находящемуся у столовой, и представлявшему собой несколько кранов и раковин, поставленных в ряд.

– Она сказала мне, что все мужчины легкомысленные, – рассказывал Пётр. – «Может, я заразная. А ты лезешь». – «Батюшки!» – он, изобразив испуг, всплеснул руками. – Всё настроение сразу испортила. Зовут её Оля. Двадцать пять лет.

– А почему она пошла с тобой? Что ты сказал ей?

– Что сказал? – он задумался, вспоминая, и вдруг засмеялся: – Предложил попить воды на колонке!

– Петь! – послышался женский голос.

Мы обернулись. Это была его новая знакомая Оля.

– Приходи сегодня вечером, как освободишься, – она подошла к нам, какая-то вся страшненькая: рыхлая, взлохмаченная, помятая. – Пикник намечается.

– Приду, – с мягкой улыбкой пообещал он и с досадой сказал, когда она ушла: – Как же. Ага! Приду. Держи карман шире. С кем по пьяни только не свяжешься, – он брезгливо поморщился. – Дурак! С кем связался. Одно оправданье, – был пьяный!

Из репродуктора вдруг громко зазвучала песня. Её всегда включали перед завтраком, обедом и ужином. Чисто звонко весело пела какая-то женщина:

– Пряники русские – сладкие, мятные! К чаю ароматному угощенье знатное.

– Выбатывают условный рефлекс, – прокомментировал Пётр. – Чтобы сразу слюна потекла. Как у собаки Павлова!

В столовой мы сидели за столиком втроем: я, Пётр и Сер-

гей. К нему регулярно подходила Наташа. Они счастливо болтали о всякой чепухе. И было видно по всему, что они друг другу нравятся.

Примерно через час после завтрака нас всех собрали у здания администрации, оповестив несколько раз по репродуктору, и дали работу. Нам сообщили, что мы будем копать канавку между домиками. Сергей держался с нами, поэтому мы попали в одну бригаду. Главным у нас был некий добродушный дяденька, постоянный работник турлагеря, седой мужчина лет пятидесяти. Он повёл нас к месту работы. Мы несли штыковые лопаты. А он – большой моток полёвки и топор.

– Начальство хочет установить в комнатах динамики, – он объяснил смысл нашей работы и успокаивающе добавил: – В прошлое воскресенье девчонки копали. Быстро дело пойдёт. До обеда управитесь. Я поговорю с Сальниковым.

Сальников был начальником турлагеря. Я не понял, почему он хочет с ним поговорить, но уточнять не стал.

Мы рассредоточились по прямой линии.

– Ты куда такую могилу роешь! – дяденька умерил пыл Сергея, который начал копать глубоко. – Полштыка достаточно!

Дав нам задание, он ушёл.

День был жаркий, безветренный. Нас окружали сосны, берёзы, ели, липы, осины и всевозможные кустарники. Положительный эффект от спасительной тени деревьев, целебно-

го запаха хвои и ароматных ландышей, растущих здесь везде, – полностью сводили на нет комары и мошки, дружно атаковавшие нас. Пётр, густо окутывая себя сигаретным дымом, сказал, что он с похмелья и все эти твари, насосавшись его дурной крови, обязательно отравятся и отбросят копыта.

Работа продвигалась неожиданно быстро. Толстые корни мы перерубали топором. Пришёл дяденька, когда мы сделали уже большую часть работы, удивился и стал укладывать в канавку полёвку.

– Ишь, как разогнались, – похвалил он. – Я говорил с Сальниковым. Он не согласен, чтоб до обеда. Так что вы не очень торопитесь. Вон те пять домиков оставьте на после обеда.

Мы стали работать в полсилы. Перед обедом решили искупаться.

Берег реки оказался облагороженным. Аллея вывела нас на набережную, выложенную крупной плиткой, с перилами. На набережной было какое-то футуристическое сооружение – большой высокий навес, напоминающий купол парашюта, с просторными сквозными проходами. Купол был собран из металлических правильных шестиугольников. С левой стороны набережной находился песчаный пляж с несколькими лодками на берегу. Правая сторона набережной упиралась в лиственный лес. Набережная и купол приятно удивили меня. Я не ожидал увидеть здесь что-нибудь подобное.

Набережная вдавалась в реку округлым мысом. Река была широка. Позже я узнал, что это была не река, а озеро Долгое, через которое текла река.

Низкий противоположный берег был подтоплен весенним паводком. На лугу вдоль реки росли какие-то непонятные округлые кустарники, похожие на небольшие стога. Этакие зелёные бугорки на зелёном лужке. В некотором отдалении за ними – разнокалиберные лиственные деревья. А сразу за ними на сухой возвышенности стоял, радующий глаз, прекрасный ровный частокол высоких стройных сосен.

Прохладная вода, сначала показавшаяся нам ледяной, приятно взбодрила, смыл не только пот и пыль, но и сняв зуд от укусов комаров и мошек. Мы обсушились на солнышке и под известную песню пошли в столовую.

Мы сели за свой стол. Сергей, увидев Наташу, сразу засиял, как начищенный пятак, и помахал ей рукой. Первым блюдом был гороховый суп. Пока мы ели этот суп, официанты разносили на подносах вторые блюда – макаронны с котлетой. В одной из официанток я узнал понравившуюся мне девушку. Она стояла к нам боком у раздаточного окна, в белом фартуке, красной футболке и коричневых вельветовых брюках. Я настороженно замер, не уверенный, что это она. Наконец она повернулась к нам лицом, понесла поднос. Да – это была она! Без всякого сомнения. Господи, до чего же она была хороша! Волосы – светлые, глаза – зелёные. Она сказала что-то Наташе. И та вдруг кивнула в нашу сторону.

– Вам помочь? – предложил я, когда она расставляла нам вторые блюда.

– Сама как-нибудь, – она даже не посмотрела на меня.

Когда она ушла, я спросил Сергея:

– Не знаешь, кто это такая? – Если он знал её подругу Наташу, значит, теоретически мог знать и её.

– Тонечка?

– Ну, которая сейчас подходила к нам.

– Наша, заводская. Где она работает, – не знаю.

– Что у вас за разговорчики? – с деланной досадой спросил Пётр. – Дайте спокойно поесть! Нашли тему.

Дяденька нас огорчил, сообщив, что нам добавили работы.

– Ребята, Сальников сказал ещё и к костру проложить полёвку, – с сочувствием сказал он. – Там тоже хотят поставить динамик. От придумал!

– Он нормальный вообще? – возмутился Пётр.

– Да здесь недалеко. К пяти часам управитесь.

– Мы уже настроились на этот объём задания, – не сдавался Пётр, как будто мог что-то изменить. – И так комары зажрали. А тут ещё к костру.

– Надо сделать, ребята, – сказал дяденька.

Когда он ушёл, Сергей зло сказал:

– Наверное, он сам придумал нам эту работу. Якобы Сальников приказал. Мы завтра уедем. Ему самому придётся копать!

Пётр пересчитал сигареты в пачке и печально вздохнул:
– Я тут курить брошу.

Он был заядлым курильщиком. Постоянно был с сигаретой во рту. Теперь стал курить экономно. Ближайший магазин находился в пяти километрах от лагеря – в соседней деревне.

Мы управились с работой в четыре вечера и пошли купаться.

– Ребята, давайте попозже, – боязливо сказал Сергей, озираясь по сторонам. – А то ещё чего-нибудь заставят делать.

– Нет, это уже будет дурь, – возразил Пётр. – Меня теперь только под ружьём заставят.

Я с нетерпением ждал ужина, предвкушая удовольствие от встречи с Тоней. А потом в столовой не сводил с неё глаз. Она, казалось, демонстративно не обращала на меня внимание. Я не верил ей. Она знала, что я смотрю на неё. Она должна посмотреть на меня даже в том случае, если я не нужен ей, чтобы ещё раз в этом удостовериться. Я придвинул к себе тарелку. На ужин был бифштекс с рисом. Еда выглядела аппетитно. И опять посмотрел на Тоню. Она пристально смотрела на меня. Наши взгляды встретились. Она сразу отвернулась.

– Красивая девчонка, – с невольным восхищением я сказал Сергею.

– Тоня-то? Конечно.

Мы вернулись в домик. Сергей ушёл к Наташе. Я увидел

его из окна. Мне нужно было пойти с ним и познакомиться с Тоней. Если девушка понравилась, надо знакомиться. За спрос денег не берут. Меня не убьют. А я лёг на кровать и лежал на ней, как прикованный. Чем злее я ругал себя, тем больше робел: я упрямо лежал, как будто назло себе. Пётр тоже лежал на кровати. После вчерашнего общения с Олей его клонило в сон. Он пришёл в четыре утра.

Кто-то постучал в дверь и раздался голос Сергея:

– Вы спите?

– Заходи, – сказал я.

– Ребята, вас приглашают на чаепитие.

– Что ещё за чаепитие? – востроенулся Пётр.

– А ведь кто-то говорил, что Тоня красивая девушка.

– Пошли, – я сразу поднялся с кровати.

– Покатаемся на лодке. Выпьем чаю. Они нас ждут.

Входя в домик, я был уверен, что увижу Тонию! А её в домике не оказалось. И Наташи тоже не было. Сидела на кровати полненькая, как колобок, девушка. Увидев нас, она вдруг нервно хохотнула. Сергей познакомил нас. Её звали Света. И сразу ушёл куда-то. Пётр помрачнел, предположив, что Света предназначена ему. Эта девушка ему категорично не понравилась. Мы сели на соседнюю кровать. Девушка вдруг опять нервно хохотнула.

На столе были самовар и банка с полевыми цветами, среди которых я знал только ландыши. Ещё были голубые, белые и жёлтые цветы, такие же крохотные, как ландыши. Белые

цветочки количеством лепестков напоминали ромашки.

«Ландыши, ландыши, – светлого мая привет, – в моей голове вдруг зазвучала известная песенка. – Ландыши, ландыши, – белый букет».

– А вы тоже в столовой работаете? – спросил Пётр.

– Да.

– А почему у вас буфета нет? Негде сигарет купить.

– Не знаю, – испуганно ответила она, как будто Пётр был её строгим начальником, и она не исполнила его важное задание организовать буфет.

Наконец пришли Тоня, Наташа и Сергей. Первый вошёл торжествующий Сергей, затем Наташа с ожиданием интересного события и скрывающая волнение Тоня. Так как уже заметно стемнело, решили сначала покататься на лодке, а потом попить чаю.

– А я не умею грести, – простодушно признался Пётр.

Я тоже грести не умел. Последний раз сидел за вёслами лет пять назад, если не больше. Уже даже не помню, по какому случаю.

– Я чуть могу, – сказал я. – Как-нибудь.

Пётр вдруг сказал со злой интонацией:

– Ты у нас вместо мотора будешь!

– Марки «Вихрь»! – я засмеялся, скрывая смущение, не понимая, что его взбесило.

Возможно, он расценил мой информативный ответ, что я немного умею грести, как демонстративное унижение. Де-

сказать, я лучше его. Он мне даже в подмётки не годится. Дескать, я прекрасно умею грести. А он-то, маменькин сыночек, не умеет!

Сели в неустойчивую лодку через нос. Девушки – на корму, неловко ловя равновесие. Я и Пётр – за вёсла. Сергей, разувшись и закатав штаны, оттолкнул лодку, задевающее дно, и сел на нос. Мы помогли ему, отталкиваясь вёслами, как шестами.

Большое красное солнце уже коснулось горизонта. Отражались в реке деревья и багряное закатное небо. Лес противоположного берега со стороны солнца стоял тёмной стеной. Пахло речной водой. Вода была гладкой, как зеркало.

Почему-то мне никак не удавалось грести вровень с Петром. Лодка постоянно заворачивала в мою сторону. Мыплыли зигзагами. Сначала я обвинял себя в кривом ходе лодки. Позже я понял, что он намеренно гребёт сильнее меня. Пока я выправлял ход лодки, он отдыхал.

– Ну, ты и пацан, – с осуждением сказал он. – Греби ровнее!

Мне было стыдно перед Тоней. Я понятия не имел, что он специально гребёт сильнее меня! Его нападки я воспринимал болезненно.

– Нет, ты меня заколебал, – пренебрежительно сказал он и самонадеянно добавил: – Слушай, давай-ка к Сергею. Я сам попробую.

Я покорно пересел на нас лодки к Сергею, стараясь быть

спокойным. Всё равно он устанет. И уступит мне место. Тоня, как мне показалось, с недоумением посмотрела на меня. Я, разумеется, предположил худшее. Дескать, она подумала, что я слабый, безвольный. Я чуть не взорвался с досады!

Меня неприятно удивило беспардонное поведение своего товарища. Нельзя унижать человека вообще, а перед женщинами – особенно. Он всегда был, как я считал, адекватным. Сейчас я отказывался верить своим глазам и ушам. Его словно бы подменили.

Пётр, как и я, грести не умел. Когда он опускал вёсла в воду, он обрызгивал нас с Сергеем. Я сделал ему замечание.

– Если не нравится, можешь выйти, – ответил он.

Незаметно мы оказались на середине озера, через которое текла река. Озеро было вытянутое, как кишка, и напоминало широкое русло. Подул освежающий приятный ветерок, разогнав ненавистных комаров и мошек. Солнце уже село, но по-прежнему было светло. Тишину нарушали скрип уключин и эпизодический нервный смех Светы.

Пётр, опуская вёсла в воду, по-прежнему поднимал брызги. Вода замочила мои рукава и брюки. Я с трудом сдерживал себя, чтобы не сделать ему замечание. Если я сделаю ему замечание, он подумает, что я демонстративно унижаю его перед женщинами. Казалось бы, и Сергей, окатываемый брызгами, тоже должен был возмутиться, но он только морщился.

– Ты можешь потише? – не выдержал я, когда он в очередной раз богато окатил меня, замочив рубашку и брюки. –

Я уже весь мокрый.

– Выходи, коли не нравится.

– Я тебе серьёзно говорю! Давай потише. Всё равно до Оки не догребёшь.

– А мы, разве, в сторону Оки плывём? – усомнилась Наташа.

– Если этого посадить на вёсла, – Пётр пренебрежительно указал на меня, – он нас до Волги довезёт!

Река Серёжа, по которой мы катались на лодке, была притоком Тёши. Тёша – Оки. Ну, а Ока впадала в Волгу.

– Может, вернёмся назад? – предложила Тоня.

– Назад так назад, – согласился Пётр и развернул лодку.

Теперь лодка шла значительно тяжелее.

– Видимо, против течения, – догадалась Света.

Все согласились с ней.

– Ладно, уступаю, – сдался Пётр.

Я старался грести аккуратно, без брызг, налегал изо всей силы, до треска в спине. А лодка по-прежнему не получала достаточного ускорения. Не шла быстро и хоть ты умри. Я не умел грести. Но мне всё равно казалось, что виноваты вёсла. Это якобы дубовые вёсла не слушаются рук!

– И-и раз! – азартно считали девчонки. – И-и раз!

Я увидел, что нас быстро догоняет лодка с единственным человеком. Он сидел на корме, загребая по очереди с левого и правого бортов. Этим человеком оказался сухощавый старик в ветровке. Поравнявшись с нами, он победно засмеялся

и рифмовано сказал:

– Мальчишки, мальчишки, снимите штанишки, – наденьте юбочки и будьте девчонками!

Он оторвался от нас, как на моторе. Мы только его и видели. Его лодка была легче и уже нашей. Он был один, а нас то – шестеро.

Пётр опять решил грести.

– Подвинься-ка, – сказал он. – А то приплывём завтра утром.

Лодка сразу начала сбиваться с прямого курса, постоянно заворачивая в мою сторону. Пока я выравнивал ход, Пётр отдыхал.

– Гребь, гребь, – говорил он. – Спишь, что ли?

Работая без перерыва, я начал задыхаться.

– Ты устал? – притворно удивился Пётр. – Уступи место Сергею!

Кровь бросилась мне в голову. Я понял, в чём дело! Теперь лодка стала заворачивать в сторону Петра. Теперь уже я отдыхал.

– Гребь, гребь, – говорил я.

Стараясь не уступить друг другу, мы гребли отчаянно. Пётр вымотался раньше. Лодка опять завернула в его сторону.

– Не отставай! – злорадствовал я.

Выравнивая лодку, Пётр вспыхнул:

– Конечно! Ты что в мою сторону наяриваешь? Не ви-

дишь, что ли? Ну, ты и делец!

– А ты не наяривал?!

– Ладно вам, ребята, – примирительно сказала Наташе. – Не ссорьтесь.

Мы причалили к лодочной станции. Сюда же причалил и старик, обогнавший нас. Его уже не было. По всей видимости, он был постоянным работником лагеря и, наверное, в отличие от нас ездил по делу. Например, проверял рыбацкую сетку – тихонечко браконьерил: ловить нерестовую рыбу запрещено.

Я беззаботно вышел на берег вслед за Сергеем. Пётр оказался предусмотрительней: помог девушкам выйти из лодки. Я ругал себя, что мне не пришла в голову эта логичная простая мысль. А когда он подал руку Тоне, мне захотелось провалиться сквозь землю с досады!

В домике вместо того чтобы сесть рядом с Тоней, я сел на дальний конец кровати. Рядом с ней сел Пётр. Мы попили чаю с домашним черничным вареньем и пошли гулять. Сергей и Наташа остались в домике.

Темнело стремительно, – буквально на глазах. Горизонт, где село солнце, окрасился в приглушённый зеленоватый цвет. Появились звёзды. На лагерь опустилась ночь. Свет фонарей аллеи казался продирающимся через густую листву и хвою деревьев.

В лагере все уже спали. Мы бродили по освещённым аллеям, кормили комаров. И ни о чём не говорили. Наконец

забрели к реке, на облагороженную набережную, центром которой был высокий навес, напоминающий купол парашюта, собранный из металлических шестиугольников. Вошли в этот купол. Лёгкий звук здесь рождал сильное эхо.

– Какая акустика! – удивился я.

– Это наши ребята сделали, – не без гордости сказала Тоня. – Достаточно магнитофона. Усилитель и колонки не нужны. Эффект потрясающий.

От реки тянуло сыростью. Всплескивала рыба. Стемнело окончательно: проступили самые мелкие звёзды.

Пётр всё чаще зевал и был мрачен.

– Четыре часа прошлой ночь спал, – сказал он. – Я тут курить брошу.

Я никак не мог придумать тему разговора с Тоней. Мои мозги словно бы отключились. А тем было много. Ничего не нужно было придумывать. Работа, дом, лагерь, учёба, увлечение. Следствием формальных дежурных вопросов могли стать неожиданные подробности, которые сделали бы нашу беседу интересной, весёлой, душевной. Но я молчал, как будто разучился говорить.

– Ну, ладно, ребята, нам пора, – сказала Тоня.

– Вы уже уходите? – притворно удивился Пётр.

– Да.

– Спокойной ночи!

Мы направились в свой домик.

– Что же ты растерялся? – говорил Пётр, зевая. – Я жду,

когда он начнёт. А ты никак не начинаешь. От этой толстушки я бы всегда избавился. Сказал бы, что спать хочу и ушёл бы. Знаешь, какого они о нас мнения? Два болвана! Вот какого. Мне-то, конечно, всё равно. Я сейчас спать заваляюсь. Я вот уверен, что они уже смеются над нами. Два городских парня. А вели себя, как увальни деревенские. Что же ты не начинал-то? Ты же говорил, что она тебе нравится.

На завтраке Тони не было. Во всяком случае, я не видел её.

На разводе на работу давешний дяденька сообщил нам, что мы будем носить бордюрные камни. Сергей попросился в столовую, не в силах перенести скорое расставание с Наташей. Сегодня после обеда мы возвращались в город. Мы таскали тяжёлые камни в носилках, с каждым разом относя их всё дальше и дальше, раскладывая их вдоль дорожки аллеи с обеих сторон. Мы старались: чем быстрее управимся с работой, тем больше у нас будет времени позагорать на пляже. Когда осталось перенести всего несколько камней, к нам подошёл дяденька и дал ещё одно задание: сжечь строительный мусор.

– Что же это получается? – возмутился Пётр. – Прямо губите любовь к труду. Разве так можно?

– Надо сделать, ребята, – сказал дяденька.

Работа оказалась плёвая. Строительный мусор был уже собран в кучу. Нужно было его только поджечь и последить

за костром.

На обеде я опять не увидел Тоню. Сергей наливал компот в стаканы черпаком из большой кастрюли. Он был в белом фартуке и поварском белом колпаке.

Я пошёл из зала столовой на улицу, но обернулся, как будто кто-то позвал меня, и увидел её. Нас разделял зал, заполненный столами. Она стояла у раздаточного окна и смотрела на меня открыто и прямо, как будто давала понять, что хочет продолжить общаться. Кто-то позвал её из кухни. А я, как невольник, пошёл в свой домик: мне не хотелось уходить. Чем дальше я уходил, тем больше мне казалось, что я совершил непростительную ошибку.

Настал час отъезда. Из репродуктора раздался нервный голос завхоза, потребовавшего быстрее сдавать постельное бельё. Похоже, сдали не все. Он назвал нас «товарищами комсомольцами». Мы пошли к воротам лагеря, где стояла машина. Густые кроны деревьев приятно затеняли дорожку от палящего солнца.

– Петь, можно тебя? – его окликнула Оля.

– Ну?

– У тебя будет закурить?

– Последняя, – он стряхнул пепел с сигареты и вдруг засмеялся: – Чабок. Хочешь, оставлю?

Пришёл шофёр. Мы залезли в кузов. Расселись по лавкам. Последним прибежал Сергей. Машина уже тронулась. Я подал ему руку.

«Не узнал даже, где работает, – я ругал себя, – ни телефона, ничего. Неужели было трудно спросить номер телефона?! – Я невольно посмотрел на Сергея, сидевшего на лавке напротив меня. – Через него можно узнать. Он работает вместе с Наташей. Она должна знать».

НЕНАСТЬЕ

Я неоднократно бывал в посёлке Сокольское. Этот небольшой районный центр находился в ста пятидесяти километрах от Горького, на левом берегу Горьковского моря. Автобусы ходили туда несколько раз в день. Обстоятельства этой поездки в Сокольское стали для меня неприятным сюрпризом: плохая погода сначала помешала мне попасть в посёлок, а потом – вернуться домой.

Я приехал на автовокзал за пять минут до отправления. Автобус уже был подан на посадку. Я сел на своё место, снял шапку, расстегнул куртку, откинулся на спинку кресла. И ощутил себя счастливым человеком: не опоздал на автобус! А шофёр, толстый мужчина с двойным подбородком, вдруг объявил, что довезёт нас до Заволжья. А там посмотрит. Вчера автобус не пришёл из Сокольского: дорогу замело снегом. Я посмотрел в окно. Действительно, падал снег – крупный, пушистый, застилал белой пеленой дома, деревья.

У нас было две остановки – в Балахне и Заволжье. На автостанции в Балахне, крупном районном центре, шофёр удовлетворённо объявил нам:

– Всё! Возвращаемся!

Оказывается, мы должны встретиться в Балахне с автобусом из Сокольского. Но не встретились. Значит, дорога по-прежнему заметена снегом. Автобус не проехал. Мы тоже

не проедем. Нам надо возвращаться.

Его слова совершенно не вязались с тем, что я видел: снег падал слабо, дорога была чистая. Создавалось впечатление, что шофёру не хочется ехать, и он специально нагнетает страсти.

– Он, может, сломался! – сказал кто-то.

– Не проехал он! – убеждал шофер.

– Поехали, дорогой встретимся!

– Говорю же вам, – шофёра раздражало, что его не слушают, профессионала, человека, который на этом деле собаку съел, и вдруг психанул: – Не хотите сейчас – вернётесь из Заволжья!

Летели навстречу снежинки. Я обращал на них внимание только потому, что был под впечатлением от разговора с шофёром. В Заволжье снег совсем, казалось, перестал падать. Дорога была оживлённой, как в любой другой день. Если при такой погоде нельзя доехать до Сокольского, то при какой тогда можно? У вокзала было много автобусов – похожие на кирпичи «Пазики»; вытянутые, как батоны, «Львовские» – из Ковернина, Городца, Чкаловска, Пучежа. Узнав у диспетчера, что автобуса из Сокольского не было, шофёр категорически отказался ехать дальше. Поворот на Сокольское находился на полпути между Завольем и Ковернином. Ковернинские автобусы шли, а мы вернулись.

Следующим утром я опять пришёл на автостанцию. Опять сыпал снег. Шофёр был прежний. На мой вопрос о том,

доедем ли мы сегодня, он уклончиво ответил: «Не знаю». На его лице читалось, что он предпочёл бы остаться.

Свободных мест не было: ко вчерашним пассажирам добавились новые. Наконец мы поехали. Многоэтажные дома, узкие улицы сменились белым пустырём с редкими деревьями, одиночными строениями, кустиками, торчащими из сугробов, как засохшие прутьики. Снег несло поперёк дороги стеной. После невыразительного снегопада среди домов эта картина повергла шофёра в уныние.

– Опять придётся возвращаться, – обречёно сказал он.

Сразу за городом на широкой дороге, по обе стороны которой был сосновый лес, мы опять попали под сплошной снегопад.

– Нет, надо возвращаться, – шофёр убрал ногу с педали газа, и мы начали останавливаться. – Как чувствовал, не хотел уезжать с автостанции!

Пассажиры возмутились:

– Поехали дальше!

– До затора!

– Снега он испугался!

– Какой же это снег?! – досадовал шофёр на то, что ему приходится объяснять очевидное. – Это метель!

– Это чепуха, а не метель!

– Чепуха?! – разозлился шофер. – Не хотите сейчас – вернётесь из Заволжья! Все вернётесь!

Дальше ехали молча. Чувствовалось общее недовольство,

раздражение – у пассажиров, потому что они, возможно, опять не доедут до места, а у шофёра из-за того, что его не послушали: возвращаться всё равно придётся.

На автостанции в Балахне встретился автобус из Сокольского. Водители радостно поздоровались, поговорили. Наш шофёр, вернувшись в автобус, сообщил, что дорогу очистили. Проехать можно. Пассажиры заулыбались. Шофёр тоже повеселел. Он, разве, против? Пожалуйста, если дорога свободная.

В Сокольское приехали с опозданием: простояли в заторе – в поле. Дорогу чистили грейдером, но её всё равно переметало. От широкой дороги осталась узкая колея с сугробами до середины окон автобуса.

Магазин, по телеграмме которого я приехал в Сокольское, зависил количество брака. Неисправных телевизоров было всего пять штук. А они сообщили о двадцати! Они это сделали для того, чтобы завод быстрее прислал представителя. Напугали штрафом. Я думал, что завтра вернусь домой. Вернусь сегодня на последнем четырёхчасовом автобусе: у меня не было желания ночевать в гостинице.

Ничто так не радует, как неожиданная хорошая новость, и так не расстраивает, как новость плохая. Я пришёл на автостанцию за час до отправления автобуса. А кассир сказала, что автобуса не будет из-за погоды.

Я настолько свыкся с мыслью, что сегодня буду дома, что перспектива остаться здесь на ночь мне показалась ненор-

мальной, дикой, неким извращением, мазохизмом. Всего несколько часов отделяли меня от дома! Я решил уехать на попутной машине. Может, кто-нибудь поедет в Горький?

На окраине Сокольского, на перекрёстке дорог, в чистом поле, продуваемом ветром, прошиваемом снегом, я замёрз, превратился в снеговика, прежде чем остановился какой-то грузовик.

Шофёр, пожилой мужчина, ехал в посёлок Бриляково.

– А это где? – я впервые услышал об этом посёлке.

– На ковернинской трассе, – терпеливо пояснил он: в открытую дверь кабины неприятно дуло. – А там сядешь на горьковский автобус, который идёт из Ковернина.

Его предложение мне показалось разумным.

– А во сколько он будет? – я торопливо сел в машину.

– В шесть.

До шести было два с половиной часа.

– А мы успеем?

– Успеем.

Ехали нормально недолго: попали в затор – на том же участке дороги, пролегающем через поле. Снег несло, как из рога изобилия. Дорогу не успевали чистить. Она стала узкой, с огромными сугробам, односторонним движением. По ту и другую сторону от затора скопилось десятки машин. Застрявшие машины дёргали трактором. В заторе мы потеряли час. Плохих участков больше не было. В Бриляково, небольшой посёлок, разделённый трассой на две половины,

приехали в начале седьмого. Шофёр высадил меня на остановке, у каменной будки.

Больше никого на остановке не было. Было две причины, почему я один. Или автобус забрал всех пассажиров, или больше никому не надо ехать. Меня устраивал второй вариант. В самом деле, кому надо ехать в Горький из Брилякова на ночь глядя? Этот посёлок был маленький, крошечный. Вот почему никого нет на остановке. Автобус ещё не пришёл. Они постоянно опаздывают.

– Не подскажете, – я спросил старика в полушубке и валенках, который проходил мимо, – автобус в Горький был?

– В Горький? – он задумался. – Не было.

Ответ старика обнадёжил меня. Я ждал автобус и ловил попутную машину: одно другому не мешает. Попутки не останавливались. Время приближалось к семи. Было темно, как ночью. Светились окна домов.

– Не знаете, автобус в Горький был? – спросил я пожилую женщину.

– Давно прошёл, – подтвердила она моё опасение.

– А гостиница здесь есть?

– Нет.

В таких поселках гостиниц не бывает.

Было холодно ни столько от мороза, сколько от ветра. Я прятался от ветра в каменной будке, приплясывал. У меня даже перчаток не было.

Машина осветила дорогу. Я вышел из будки, поднял руку.

Машина не остановилась.

Уже был девятый час вечера. Возможно, первый раз в жизни мне придётся ночевать на улице. Как такое могло случиться со мной? Почему я не остался в Сокольском? Я обманулся близостью дома. От Сокольского до дома было всего сто пятьдесят километров.

Очередная попутка проехала мимо. Это стало для меня, как похоронная музыка. Другая будет нескоро. Если вообще будет. Сначала они шли с интервалом десять минут, потом двадцать. Эту я ждал полчаса. Неужели придётся ходить по домам? Никогда не ходил. Ещё только этого со мной не было!

По дороге шёл мужчина в фуфайке, ватных штанах и валенках, – его осветила машина, идущая в Ковернино.

– Извините, здесь есть гостиница?

– Нету.

– А где можно переночевать? Еду с Сокольского. Опоздал на автобус. Не знаю, как быть, – и посмотрел на него с надеждой: может быть возьмёт к себе?

– Можно в пожарке, – подозрительно посмотрев на меня, он указал куда-то в темноту на пожарную часть. – Окошко светится. Вишь? Или в больнице. Ещё ближе. Вот она, – он указал на двухэтажное здание.

Попутку мне не поймать. Для меня это стало ясно. Кроме того, я замёрз. Я больше не мог оставаться на улице! Окна больницы маняще светились. В приёмной всегда стоят дива-

ны. Мне больше ничего не надо.

В приёмной, действительно, были диваны. Я поднялся на второй этаж, где слышались голоса. Разговаривали больные – несколько мужчин. Они позвали медсестру, молодую приятную женщину в белом халате. Я объяснил ей ситуацию и спросил разрешения переночевать в приёмной на диване.

– Пойдёмте, – сказала она.

Мы спустились на первый этаж.

– Это всё, что мне нужно, – я указал на диван.

Она открыла дверь в комнату, в которой была кровать, с матрасом, подушкой, одеялом. А потом принесла винегрет, хлеб, чай. Я был ей очень благодарен.

Уехал я рано утром на первом автобусе.

ПОЛНОЦЕННЫЙ ОТДЫХ

Большой междугородний автобус с затемнёнными окнами остановился у автовокзала. Игорь Макаров первым вышел из автобуса, держа перед собой дорожную сумку и «дипломат». Весь его вид говорил о том, что он торопится.

Небо налилось густой синевой. Полуденный зной спал. Расслабленно шелестела листва. Над дорогой в город струилось марево.

Игоря утомила «бездомная» командировочная жизнь: города, которые он объехал за эти две недели, очереди за билетами на поезд, автобус, местом в гостинице; столовые с казённой едой. Сегодня был последний день командировки. Завтра – суббота. Ему хотелось полноценно отдохнуть два выходных дня дома.

Он управится с работой за час: надо отремонтировать всего два телевизора. И вечерний поезд доставит его завтра утром домой. Дело осложнялось тем, что магазин, по телеграмме которого он приехал сюда, закрывался через пятьдесят минут. Если он не успеет, значит, домой он попадёт только в воскресенье. А в понедельник опять на работу. Полноценного отдыха не получится.

Автобусы в город отправлялись с остановки напротив автовокзала. Минута проходила за минутой, а автобуса не было. Подъезжали другие автобусы. Остановка пустела, опять

наполнялась людьми. Посмотрев на часы, он выругался: магазин закрывался уже через полчаса! И вдруг понял, что не успеет отремонтировать телевизоры до закрытия магазина. Он попросит продавцов задержаться. Если откажут, он потребует помочь поселиться в гостиницу.

Переполненный автобус ехал медленно. Игоря окружали разгорячённые пассажиры. Было душно. Его руки лоснились от пота. Автобус, как специально, долго стоял на остановках, у светофоров. Голодный, уставший, он тупо смотрел в окно, за которым медленно проплывали дома, перекрёстки, деревья.

Завтра выходные – суббота и воскресенье. Пожелав отдохнуть дома, Игорь не потребовал лишнего, невозможного. Когда все нормальные люди были вечером у себя дома, пили пиво и смотрели по телевизору футбол, – он в это время стоял в потных очередях за билетом на поезд, автобус, местом в гостинице. Любой согласился бы, что он имел право отдохнуть эти два дня дома!

Игорь смирился, что не успеет отремонтировать телевизоры. Он мог опоздать в магазин, до окончания работы которого осталось уже пятнадцать минут! А он рассчитывал, что ему помогут поселиться в гостиницу.

Он забежал в магазин, большой, с высокими витринами. Его тело покрылось испариной; рубашка, брюки неприятно прилипли к телу. В секции радиотоваров у кассы стояли две продавщицы. Они собрались идти к выходу.

– Уже закрыто, – увидев Игоря, сказала высокая крупная женщина.

Он поставил «дипломат» и сумку на пол, представился.

– У вас всего два телевизора. Я быстро отремонтирую!

– Мы согласны, но в магазине знаете, сколько секций?

Другие продавцы не согласятся ждать. Надо им больно. Приехали бы пораньше.

– Хороший совет.

– Приходите завтра утром!

– Тогда устраивайте в гостиницу.

– А вы сами не можете?

– А вам позвонить трудно?

– Ну, тогда я не знаю. У нас заведующая устраивает.

С ним говорила всё та же высокая женщина. Другой продавец, женщина лет пятидесяти, стояла молча. Из глубины зала присоединился к ним третий продавец – молодая женщина в цветном платье.

– А заведующей уже нет, – продолжала высокая.

– Тогда берите к себе домой, – сказал он и удивился своей наглости: в гостинице, как всегда, мест не будет, нужно ждать – стоять в очереди – до позднего вечера, когда снимут забронированные места.

– Ага, домой!

– А чего мне остается делать? На улице ночевать?

– Слушай, Степановна, – высокая продавщица обратилась к женщине, которой было лет пятьдесят, – у тебя дочь моло-

дая. Бери парня к себе!

Степановна, отрицательно качая головой, тихо засмеялась.

– Галя, а ты что молчишь? У тебя отдельная квартира.

– Нет, нет, – серьёзно поджав губы, молодая женщина в цветном платье тоже отрицательно закачала головой.

Они пошли к выходу, где собрались многие продавцы.

– А человек должен ночевать на улице, – не сдавался Игорь. – Так чего будем делать, товарищи? Я серьёзно говорю.

– Сказали же тебе, у Гали переночуешь. А чего, Галя? Куда ему деваться? Сама посуди.

Галя опять отрицательно закачала головой, но уже с раздумьем.

– Я тоже не могу, – у меня вон сколько человек.

– Ну, хорошо, уговорили, – сдержанно согласилась Галя.

Высокая спросила Игоря, как его зовут, а когда все вышли на улицу, тихонько спросила:

– Ты, случайно, не женатый?

– Нет, – тоже тихонько ответил Игорь.

– Видишь, как хорошо, Галя тоже не замужем!

Они шли на автобусную остановку. Время от времени Галя с любопытством смотрела на Игоря. В эти субботу и воскресенье она не работала. И хотела сегодня вечером уехать на дачу. Если бы ей сказали час назад, что у неё будет ночевать незнакомый мужчина, она не поверила бы. Игорь был

высокий и стройный, с сильными руками. Ей такие нравились.

– А твои родители, что скажут? – спросил Игорь.

– Я живу одна.

Игорь предложил зайти в продуктовый магазин. Он угостит её своим фирменным блюдом – отбивной жареной курицей. Кроме курицы он купил ещё вина, сказав, что курица и красное вино прекрасно дополняют друг друга.

Микрорайон, где она жила, был кучно застроен пятиэтажными кирпичными домами. Старушки, сидевшие у её подъезда, проводили их любопытными взглядами. Они скучали от безделья. Появился повод обсудить. А Галька-то с двадцать седьмой квартиры привела к себе незнакомого мужика, – на ночь глядя!

Однокомнатная квартира у Гали была небольшая – с узким коридором, маленькой кухней.

Ужин готовили вместе. Он занимался с курицей. Она почистила картошку, приготовила салат из помидоров и огурцов.

Игорь отделил мясо от костей, отбил мясо кухонным молоточком, обсыпал специями, облил взбитым яйцом и обвалял в муке.

Наблюдая, как он жарит курицу, она вдруг подумала, краснея, что у неё давно не было мужчины. Сергей не звонил ей уже два месяца. Она тоже не звонит ему: не хочет навязываться, унижаться.

Курица получилась суховатой. Вино было вкусным.

После ужина Игорь вымылся в душе.

Этот вечер спрессовался для него в одно мгновение. Утомительная, потная езда по городу, бесконечные переживания, что можно опоздать в магазин и так далее. И вдруг он оказался в уютной квартире с женщиной. Смена обстановки была настолько неожиданной, что он до сих пор не мог привыкнуть.

Игорь с наслаждением стоял под упругими струями воды. Насколько он переживал и нервничал в автобусе, настолько сейчас был умиротворён. Если бы он опоздал в магазин, сейчас бы стоял в очереди к администратору гостиницы.

Она была красивая, эта Галя: среднего роста, тонкой талией, крупными грудями, налитыми, как спелые яблоки, выпирающими из разреза платья. Куда бы он ни посмотрел, его взгляд неизменно возвращался на её груди.

Он опять вспомнил, как ехал в переполненном автобусе, как торопился и нервничал. И ещё раз удивился тому, что оказался в этой квартире.

Игорь вошёл в комнату с влажным голым торсом, сырыми волосами, пахнувший шампунем. Галя сидела на диване – смотрела по телевизору фильм. Пока он мылся, она переоделась: была в халате. Он вдруг понял, что под халатом нет лифчика: соски оттопыривали тонкую материю. Перед телевизором стояла раскладушка, с белой простыню, пододеяльником, пухлой подушкой.

– А я думал, мы поместимся на одном диване! – он сел рядом с ней.

– Не поместимся! – она засмеялась, краснея: её диван был широким, как футбольное поле.

– Я много места не займу – на боку, у стенки.

Игорь уехал домой в понедельник на вечернем поезде.

СМЕНА ОБСТАНОВКИ

Мастер участка предложил мне съездить в командировку в Балаково с Игорем Макаровым, регулировщиком с другого участка. Наш отдел разделён на два подразделения. Они ремонтируют забракованные телевизоры в магазинах, на торговых базах. Мы ремонтируем телевизоры, которые они не успели отремонтировать – возвращённые на завод. Я согласился. Давно я никуда не ездил! Надоело работать с восьми до пяти, видеть одни и те же физиономии. Захотелось отдохнуть, сменить обстановку, разнообразия, новых приятных впечатлений. Я не бывал в городе Балаково и даже не подозревал о его существовании. А это был крупный районный центр Саратовской области. Здесь даже был свой аэропорт.

Игорь переписывал в тетрадь телеграммы – адреса магазинов, количество забракованных телевизоров.

– А куда четвёртый кинескоп? – он обратился к Любе Авдониной, начальнику подразделения, сидевшей за своим персональным столом.

– Тоже в «Культтовары».

– А где телеграмма?

– Они прислали претензию.

– Претензию? – он посмотрел на Любу, как на человека, который не понимает очевидного. – Значит, и телевизоры от-

правили!

– Не отправили.

– Говорю тебе!

– Больно скоро! Стоят где ни то на складе.

– А адрес магазина?

– Да там одни «Культтовары». Найдёте!

Смысл их разговора состоял в том, что магазин «Культтовары» хочет вернуть телевизоры с неисправными кинескопами, о чём уведомил претензией – документом, по которому завод должен выплатить штраф, вернуть деньги за телевизоры, возместить транспортные расходы. Игорь предположил, что «Культтовары» уже отправили телевизоры на завод, что мы напрасно повезём кинескопы. Люба не согласилась. По её мнению, телевизоры ещё стоят на складе магазина.

Для меня стало неприятной новостью, что мы повезём кинескопы. Ладно бы один кинескоп. Но четыре! Игорь сказал Любе: «А куда четвёртый кинескоп?» Его слова означают, что мы повезём четыре кинескопа. Мастер участка не сказал мне про кинескопы – умолчал, а может быть, и сам не знал. Я бы отказался от такой командировки. По весу и объёму упакованный в коробку кинескоп не отличался от телевизора. Совершенно не представляю, как мы их повезём?

Люба поднялась из-за своего стола и пошла через комнату в коридор, чем-то озабоченная, с мыслью на лице.

– Командировку выпишем с понедельника, – сказал Игорь, когда мы остались одни. – Улетим в Балаково во втор-

ник. В понедельник на работу не пойдём. Отдохнём дома. Потом никто не обратит внимания, что мы улетели во вторник. Я делал так много раз. Ну, вот, скажем, мы улетели двадцатого числа прошлого месяца. Какой это был день недели, – понедельник или вторник, помнишь? А смотреть специально никто не будет. Хороший был мужик – Захаров, – на лице Игоря появилось тёплое выражение.

Прежний начальник Захаров ушёл на пенсию, – ещё недавно, казалось, вечный, как горы, привычный, как родной пейзаж за окном. Регулировщики отзывались о нём хорошо. Он сам когда-то ездил в командировки, знал по чьему фунту лиха. На его место назначили никому неизвестную Любу Авдонинову, женщину средних лет, с глазами навывкате, загнутым в сторону носом.

– Четыре кинескопа – не много? – спросил я.

– Отвезём как-нибудь, – без энтузиазма ответил он. – Позвоню в Балаково, чтобы нас встретили в аэропорту. А из Балакова позвоню в Вольск. Тоже договоримся, чтобы не тащиться на автобусе.

– Куда ты ещё хочешь позвонить? – не понял я.

– В Вольск, – это рядом с Балаково. Полтора часа на автобусе. Два кинескопа в Балаково, два кинескопа в Вольск – в «Культтовары».

Игорь оценивающе посмотрел куда-то поверх меня. Я обернулся и увидел Любу, которая вернулась на своё место.

– Командировку со вторника выписывать? – спросила она.

– С понедельника, – сказал Игорь.

– Почему с понедельника? Самолёт в Балаково во вторник! – она повернулась к стене, на которой висело расписание.

– Это расписание рекламное, возможны изменения. Почитай внимательно. Я звонил в аэропорт. Сказали, что рейс в понедельник.

Люба опять вышла из комнаты.

– Точно есть рейс в понедельник? – спросил я.

– Во вторник.

– А если она позвонит в аэропорт?

– Пусть звонит. Скажу, мне так ответили.

Игорь позвонил в Балаково.

– Здравствуйте! Это магазин?.. С вами говорит представитель Горьковского телевизионного завода. Мы везём вам кинескопы, прилетим седьмого. Нас надо встретить в аэропорту, с машиной... Хорошо. – А затем сказал мне: – Говорил с продавцом. Сейчас позовёт директора.

Вернулась Люба, села за свой стол.

– Здравствуйте, – опять сказал Игорь. – Это представитель Горьковского телевизионного завода. Мы привезём кинескопы. Вы можете встретить нас в аэропорту с машиной?.. Как почему? Мы везём вам кинескопы, – уверенно говорил он, но вдруг замялся. – Седьмого... Седьмого числа, говорю. Да, седьмого.

– Постой, – сказала Люба, – почему седьмого? Седьмое –

вторник. А у вас командировка с понедельника!

– Самолёт прилетает утром, – сказал Игорь.

– Нет, мальчики, почему седьмого? Решили сочка пого-
нять?

– Да там один самолёт будет-то... Да. В десть утра.

– Мальчики, почему молчите? – допытывалась Люба. –

Обмануть хотели?

– Значит, пришлёте. Спасибо! – Игорь положил трубку. –

Чего обмануть?! Я звонил в Вольск!

– В Вольск?

– Да.

– А я думала в Балаково.

– Шестого будем в Балакове, седьмого – в Вольске!

– А почему встречать в аэропорту?

– Там Ан-2 летает – из Балакова в Вольск. «Кукурузник»!

Я подошёл к большой карте СССР, которая висела на стене. Вольск и Балаково разделяла река Волга. Они находились напротив друг друга, между ними было километров сорок. На такие расстояния самолёты не летают. Игорь объявил, что мы полетим на «Кукурузнике» настолько убедительно, правдоподобно, что я невольно засомневался.

– Точно полетим? – спросил я, когда мы опять остались одни.

– Поедем на автобусе! – засмеялся он.

Весна в Балакове опережала нашу весну, может быть, на неделю. У нас ещё лежал снег, грязный, ноздреватый, в за-

тенённых дворах, парках. В Балакове снега уже не было.

Нас не встретили в аэропорту. Меня это нисколько не удивило. Добирались до города самостоятельно. У автобуса не было багажного отделения. Водитель категорично заявил, что не пустит нас с таким грузом, – с четырьмя кинескопами! Игорь дал ему три рубля, и он сразу согласился. Проход был узким для кинескопов. Мы поставили их на большом длинном заднем сидении.

Директор магазина, чувствуя за собой вину, что не прислала за нами машину, проявила участие: подсказала нам номер телефона магазина «Культтовары» в Вольске и разрешила звонить из своего кабинета.

Старший продавец магазина в Вольске сообщила Игорю, что директора сегодня не будет, и предложила позвонить в торговый отдел Вольского горторга. У них много машин. Они помогут нам привезти кинескопы. В горторге ему сообщили, что они уже отправили машину в Балаково на птицефабрику, предложили позвонить туда и найти экспедитора. Из Балакова Игорю дозвониться быстрее, чем им из Вольска. Короче говоря, он позвонил на птицефабрику, ему называли телефоны, он перезванивал, наконец, выяснилось, что экспедитор уже уехал.

Автобусы ходили в Вольск «жёсткие» – без багажника. Если водитель упрётся, опять давать ему трёшницу? Для отчета нужна квитанция. Шофёр квитанцию, естественно, не даст. Нам не возместят наши расходы. Почему мы должны

платить из своего кармана? Сюда ехали с пересадкой: аэропорт – автостанция – магазин. Казалось, мы никогда не сможем уехать с автостанции в магазин: автобусы были настолько переполненными, что мы не могли войти. Выйти из переполненного автобуса тоже оказалось не просто – с четырьмя кинескопами!

Я думал, что кино закончилось. Началась вторая серия.

– А почему бы вам не заказать машину в «Трансагентстве»? – предложила директор, которая была уже не столь великодушной. Заняв её телефон, мы не давали ей работать, нарушили её планы.

У нас не было уверенности, что нам оплатят машину до Вольска. Должны оплатить, – никуда не денутся. А может быть, не оплатят. Завод не оплачивал такси, номера люкс, двухместное купе поезда. Машина до Вольска стоила тридцать рублей, – по пятнадцать рублей с носа. Мы решили рискнуть.

Вольск производил впечатление города неожиданно увядшего. Построенные до революции капитальные здания выглядели облупленными, обветшалыми. Центральная гостиница называлась «Цемент».

Мы опоздали: магазин «Культтовары» отправил телевизоры на завод.

– Я же сказал ей, что отправят! – возмутился Игорь. – Если претензия, значит, всё, – жди контейнер!

– И что будем делать? – я растерялся: неужели придётся

везти два кинескопа назад – на завод, опять потеть, надры-
ваться?

– Оставим в магазине, – сказал Игорь. – На хранение.

Мы были на складе магазина. Один угол склада был за-
бит рулонами материи, коробками с обувью, одеждой; дру-
гой угол – канцтоварами, радиоаппаратурой. Он сказал жен-
щине, товароведу, которая сидела за столом у телефона, что
ему надо позвонить в Горький, и она разрешила.

– Ты знаешь, что они отправили телевизоры? – Игорь
раздражённо сказал Любе. – Я же говорил тебе!.. Я зака-
зал машину в «Трансагентстве». Мне оплатят?.. Из Балакова
до Вольска. Отвезли кинескопы... Что?! Кого ты умником
назвала?! – он вдруг взорвался. – Ни один автобус не сажает!
Я видал в гробу твои кинескопы! Понятно?.. Если не опла-
тите, больше не повезу!

Игорь пересказал разговор с Любой. Она не знает, опла-
тит ли нам завод машину из «Трансагентства». Назвала его
умником. Мы заплатили тридцать рублей. А на автобусе ба-
гаж стоит рубль. Говорит, ещё такси заказали бы. Он предпо-
ложил, что оплатят: если оплачивают за доставку груза на са-
молёте, значит, на машине тоже должны оплатить! Ему до-
бавили два города – Петровск и Аткарск. А мне надо возвра-
щаться домой. Люба сказала, что меня заждались на заводе.

Утром я проводил его до автовокзала. Блестели замёрз-
шие ночью лужи. Уже скоро наступят настоящие, погожие
дни с тёплыми ливнями, грозами, распустившимися дере-

вьями, буйством трав и цветов, дурманящими, забытыми за зиму запахами. Весь комплекс эмоций, навеянный весной, чудесным образом совпал с чувством облегчения, что не надо тащить кинескопы, потеть, надрываться. Мы пожали друг другу руки. Игорь вошёл в автобус, невесёлый, грустный. Ему надо в Петровск и Аткарск, непонятные для меня города, о которых я никогда раньше не слышал. А я сегодня буду дома. Улечу во второй половине дня. Поцелую жену, обниму детей, приму душ. Помыться надо обязательно. Если мои носки сейчас в котёл и сварить, можно отравить всё Балаково.

СИНЯЯ СОПКА

1

Я вернулся из очередной командировки. Пришёл на работу отдохнувший, гладко выбритый. Первый рабочий день после командировки похож на выходной. Я составлю технический и авансовый отчёты. Технический отчёт сдам на склад, авансовый – в бухгалтерию. Мне понадобится на всё это часа два. И уеду домой.

Андрей Якубов, с которым я сидел за столом, сказал мне, что поедет во Владивосток и мечтательно улыбнулся. Я тоже мечтательно улыбнулся бы, если бы оказался на его месте: Владивосток находился на другом конце страны. Меня удивило его сообщение. Мы не ездили в Приморский край, административным центром которого был Владивосток. Этот край обслуживал постоянный представитель нашего завода Игорь Смирнов. Андрея направили ему в помощь. Наш завод завалил магазины и торговые базы неисправными телевизорами. Представитель не успевал отремонтировать их в установленные сроки.

Наверное, я последним узнал о командировке во Владивосток. Меня не было в отделе две недели. Если бы мне своевременно стало известно об этой командировке, однозначно поехал бы я. Во всяком случае, я сделал бы всё от меня зависящее, приложил бы максимум усилий, из кожи вывер-

нулся бы.

У меня был стимул поехать во Владивосток: Приморский край – моя мала родина. Я жил с родителями в селе Чугуевка, районном центре этого края. Мой отец был военный – техником самолёта. Мне было десять лет, когда мы уехали из Чугуевки на новое место службы отца в Горьковскую область. Наша жизнь в этом селе оставила в моей памяти неизгладимый след. Обыкновенный дом, пыльная дорога, неширокая речка, сопки, – это всё было некой декорацией значимых для меня событий. В юности я бредил этими воспоминаниями. Я не мог приехать в Чугуевку и загасить костёр воспоминаний. Эта поездка была трудно выполнимой. Чугуевка находилось в девяти тысячах километрах от Горького.

В чугуевском лесу, казавшимся в моих воспоминаниях приукрашенным, рос дикий виноград, маньчжурский орех, похожий на грецкий, кедр, целебное растение женьшень, – как его называли, «корень жизни», «дар бессмертия».

Мой отец, заядлый охотник, сам находил в лесу женьшень, делал настойки, как я предполагаю, алкогольные и сам же их пил. Гроздья винограда и плоды маньчжурского ореха были скромных размеров. Я помню орех ещё по детскому саду. Наша группа гуляла в осеннем парке с воспитателем, – я набрал ореха детское ведёрко. Некоторые орехи были покрыты легко отделяющимся бурым околоплодником. Кедровые шишки были большими. Помню, отец принёс их целый мешок из-под картошки. Мы очищали их от лип-

кой смолы огнём: бросали в костёр и они сразу вспыхивали, как факелы. Затем палкой выкатывали их, дымящиеся, из костра и нетерпеливо, обжигая пальцы, выколупывали крупные горячие орешки, издающие вкусный яркий неповторимый аромат.

А какие здесь были красивые дикие цветы! Они не уступали размерами садовым. Помню, с одноклассником мы наперегонки бросились к какому-то белому цветку на опушке леса. Луг, по которому мы бежали, оказался заболоченным. Мы спотыкались о кочки, проваливались в грязь по щиколотку, смирившись с тем, что наша обувь и штаны стали мокрыми и грязными. Я опередил одноклассника. А внутри чудного цветка сидел омерзительный паук размером, наверное, с куриное яйцо! Я, испуганный, отшатнулся. Самые красивые цветы росли в самых труднодоступных заболоченных местах. Мы испачкались грязью с ног до головы.

Здесь водились большие бабочки, с причудливыми резными крылышками, привлекательной чарующей расцветкой. Мы называли их махаонами. Почему-то они запомнились мне громадными – размером с воробья. Но они были, конечно, меньше. Не бывают бабочек таких размеров.

А сколько здесь было рыбы! Она была даже в придорожных канавах. Я впервые здесь попробовал гольяна и тайменя. И впервые увидел ротана, сорную хищную рыбёшку, похожую на маленького монстра: у неё были выпученные глаза, неразумные большая голова и пасть.

Эта рыба интересна своей стремительной экспансией. Первоначально она обитала только здесь – в Приморском крае, на севере Китая и Кореи. Она расселилась по всей стране меньше, чем за столетие. Сначала она попала в аквариумы, а потом в реки. Версия, что её икру принесли на лапах утки, мне кажется ошибочной: ротан появился бы в европейской части России уже в незапамятные времена. Я впервые увидел эту рыбу у нас лет через десять после переезда из Чугуевки.

Ещё здесь водились тигры. Однажды отец со смехом рассказал, как они, несколько охотников, не торопливо выйдя из будки грузовой машины, – мгновенно, даже не помешав друг другу, заскочили обратно, увидев на обочине тигра и затем услышав его леденящий кровь рык.

Окна нашего дома выходили на Синюю сопку. Сопка была далеко – поэтому её цвет был синий. Она представлялась мне загадочной, неприступной. Я часто видел её во сне, – высокую, синюю, покрытую лесом.

Самый ближний к селу холм, – дальний подступ к сопке, – был относительно ровным. На этом холме выращивали рожь. Поле ржи, подпираемое лесом, первое начинало желтеть. Вызревшие колоски свисали под своей тяжестью. Жнивье было жёстким, как щетина. В золотых скирдах соломы жили мыши.

Это сельскохозяйственное поле у Синеи сопки в моей памяти было связано с весенней влажной землёй, летним зно-

ем и освежающим дождём, большой яркой радугой и сухой рыжей осенью. Первое посещение этого поля стало для меня первым самым дальним самостоятельным путешествием.

Мы жили в Чугуевке шесть лет. Я пошёл здесь в первый класс. В этом селе остался кусочек моей души.

Узнав от Андрея, что тот собирается во Владивосток, я сразу пошёл к бабе Любе и, предав правила приличия, попросил её отправить меня. Мы за глаза называли Любу Авдониной, нашего нового руководителя, женщину средних лет, бабой Любой. Я как будто сошёл с ума: мне позарез захотелось побывать в Чугуевке! Такой шанс мне больше не представится. Не будет больше командировок во Владивосток!

Баба Люба, разумеется, отказала: отдать эту командировку мне, обещанную Андрею, означало совершить некрасивый поступок. Тогда я поговорил с Андреем, объяснив ситуацию. Тот тоже отказал и вдруг смутился: оказывается, Игорь Смирнов, представитель по Приморскому краю, пообещал свозить его на рыбалку. А для Андрея рыбалка – это наркотик.

Я признал своё поражение. Вероятность ещё одной командировки была малой величиной. Похоже, не судьба мне увидеть Чугуевку.

На следующий день баба Люба пытливно спросила меня:

– Поедешь во Владивосток?

– Поеду, – удивился я. – А что случилось?

– Ну его, этого Якубова. Он может только на следующей

неделе. Сына не с кем оставить. Хочет отвезти его в деревню. А надо срочно! Ты когда сможешь?

– Да хоть сейчас!

Поздним вечером следующего дня я был во Владивостоке, – в среду в одиннадцать вечера по московскому времени. А здесь был уже четверг – шесть утра. Разница с Москвой была семь часов. Ночь, которую я провёл в самолёте, пролетела быстро: мы летели навстречу утреннему Солнцу со скоростью восемьсот пятьдесят километров в час.

Я вышел из самолёта на трап и окунулся в яркое солнечное августовское утро. Здесь было теплее, чем у нас. Владивосток находился на широте Сочи.

Аэровокзал изменился, – не соответствовал картинке, сохранённой в моей памяти: к прежнему скромному зданию пристроили новое – модное, всё стеклянное, как аквариум, с четырьмя входами.

Рядовая обычная встреча с Игорем Смирновым не предполагала какой-нибудь нервотрёпки. Причина случившихся со мной испытаний заключалась в том, что я не смог позвонить ему.

Он знал, что я прилечу, но когда именно – не знал. Никто заранее не знал, в том числе и я. Все билеты были раскуплены на много дней вперёд. Я улетел благодаря «Пятьдесят четвёртому приказу», согласно которому я восстанавливал авиационную технику: наш завод ещё делал радиолокационные станции. Приказ давал шанс улететь, но не гаран-

тировал. Из Москвы я не смог позвонить Игорю. Мне было не до звонка. Диспетчер по транзиту дал мне место после регистрации. И я побежал в сектор посадки и досмотра багажа, опасаясь, что самолёт улетит без меня. А он мог улететь: все пассажиры уже были в самолёте. Я решил позвонить из Владивостока. Мы прилетим в шесть утра. Разбужу его ранним звонком. Думаю, не обидится. Главное, застать его дома. Я не мог начать работу без встречи с ним. Мне надо отдать ему коробку с радиодетальями, которые он заказал. А самое главное, он скажет, в каких городах и посёлках края мне работать.

На аэровокзале Владивостока не было ни одного телефона автомата – вообще ни одного! Удивлённый, я решил позвонить с автовокзала. Из аэропорта туда ходил прямой автобус. На автовокзале телефона тоже не оказалось. Здание было безлюдным, как будто все вымерли. Даже кассы были закрытыми.

Осталось одно – ехать к Игорю.

Владивосток – город на сопках. Из-за этих сопкок поиск дома был сопряжён с трудностями физического характера. Я спросил женщину, с которой вышел из автобуса, номер нужного мне дома. Она указала на многоэтажный дом на высоком протяжённом холме. Автобусная остановка находилась у подножья этого холма. Противоположная сторона улицы тоже представлял собой протяжённый холм с домами. Короче говоря, дорога была проложена по распадку этих холмов.

Я, нагруженный багажом, как выючное животное, пошёл по крутой лестнице на высокий холм, не уверенный, что дом на вершине этого холма был именно тот, который мне нужен. Дом, к счастью, оказался тем. Квартира Игоря находилась на седьмом этаже. А лифт не работал. Я опять нагрузил себя багажом и смиренно пошёл на седьмой этаж.

Я три раза нажал на кнопку звонка, – никто не ответил. Я нажал четвёртый раз и стал к двери спиной. Похоже, никого дома не было. И вдруг услышал голос мальчишка, который, наконец, поинтересоваться, кто пришёл. Я объяснил. Он ответил, не открыв дверь, что родителей дома нет. А папа придёт вечером. Я спросил разрешение оставить сумки. Мне не хотелось таскать их на себе в поисках столовой: пора было уже позавтракать. Он всё рано не открыл дверь. Не помогли никакие доводы. Говорит, ждите папу.

Я вышел на улицу. Внимательно поглядел по сторонам, уставший, голодный, ища столовую. И вдруг увидел её, – родимую! Трёхэтажное здание с большой заметной вывеской находилось буквально напротив меня. Но на другой стороне улицы. То есть мне надо спуститься с холма к дороге, опять подняться на такую же высоту. Я взял тяжёлые сумки и пошёл по лестнице вниз. Подъём на холм со столовой меня утомял. На первом этаже столовой не было. На втором этаже её тоже не оказалось! Она была на третьем этаже.

Я вернулся к дому Игоря, сел на лавочку и стал думать, что мне делать? Можно ждать до вечера. А можно поселить-

ся в гостиницу: наверняка в какой-нибудь найдётся место. А чтобы передвигаться налегке, надо сдать багаж в камеру хранения железнодорожного вокзала. Эта мысль мне показалась замечательной.

Из подъезда дома вышел мужчина похожий на Игоря Смирнова. Последний раз я видел его, наверное, года назад. Он приезжал на завод с отчётом. Каждые полгода постоянные представители приезжали на завод. Наши взгляды встретились. Это был он.

– Почему ко мне не поднимаешься? – спросил он.

– Мне твой сын сказал, что ты придёшь вечером.

– Я на пять минут отлучился! За хлебом.

Я жил в Приморском крае месяц: работал во Владивостоке, Хороле, Пограничном, Уссурийске, Спасске-Дальнем, Чугуевке, Славянке, Находке. Список населённых пунктов, в которых нужно было отремонтировать телевизоры, этим перечнем не ограничивался. Я жил бы здесь ещё дольше, если бы не баба Люба, приказавшая мне вернуться домой. Её неприятно удивило, что я работал и во Владивостоке. Она думала, что во Владивостоке будет работать Игорь. А я – в других населённых пунктах края.

Если бы в этом списке не было Чугуевки, я всё равно туда съездил бы. Это село находилось в трёхстах километрах от Владивостока, – гораздо ближе, чем от Горького.

Мы с Игорем вместе не работали. Встречались периодически – то у него дома, то в общежитии, в которое он меня

поселил через своего знакомого, то в каком-нибудь магазине.

Игорь – бывший моряк. Он завязал с морем из-за семьи. Рейсы по полгода. А дома – жена и маленький ребёнок.

Около Чукотки они однажды застряли во льду. К ним приходили белые медведи. Они могли стать вторым «Челюскиным». Их спас ледокол. А в рейсе в Сан-Франциско однажды попал в жуткий шторм. «Корабль валится с бока на бок, – рассказывал он. – Лежишь на кровати. Упрёшься ногами в стенку. Лежишь, – он напряжённо вытянул ноги, изображив, – и думаешь, поднимется или нет?»

2

Первым делом, во Владивостоке я побывал на морском и железнодорожном вокзалах, ставших сказочными в моих воспоминаниях. Эти два вокзала находились рядом – напротив друг друга. Помню, мы вышли из вагона поезда – родители, сестра и я. И вдруг я увидел пассажирский океанский лайнер, стоявший у причала. Меньше всего на свете я ожидал увидеть корабль, выйдя из вагона поезда! Я должен был увидеть, не знаю, например, общественный транспорт, но не корабль же. Лайнер показался мне громадным. Я открыл рот от удивления. Ничего подобного я не видел. Со временем я усомнился, что видел пассажирский лайнер и два стоявших рядом вокзала, подозревая, что мне это приснилось.

Вокзалы были действительно рядом и напротив друг друга. Усомниться было немудрено. Последний раз я был здесь десятилетним мальчиком.

У причала вокзала стоял большой белоснежный пассажирский корабль. У причала на противоположной стороне бухты – несколько грузовых судов. Было ветрено. На волнах играли слепящие солнечные блики.

Я удовлетворённо постоял на пешеходном мосту через железнодорожные пути, соединяющий морской вокзал с Привокзальной площадью. Здесь тоже было ветрено, как на причале. Двадцать лет назад мы стояли с отцом на этом мосту – холодным осенним вечером, подсвеченным яркими огнями вокзалов, перрона и близлежащих домов. Перила моста в то время мне были по шею.

Вторым местом моего обязательного посещения был памятник «Борцам за власть Советов на Дальнем Востоке». Мужественный красноармеец держал высокое древко с развивающимся знаменем. Я не знаю, почему этот памятник остался в моей памяти. Может быть, из-за моего чувства благодарности к подвигу. Красноармеец казался мне, десятилетнему мальчику, воплощением справедливости.

Памятник находился на центральной площади города, – на пересечении Ленинской улицы и Океанского проспекта. Фигура красноармейца была обращена лицом к бухте Золотой Рог.

Общий вид памятника, сохраненный в моей памяти,

не соответствовала реальности. Оказалось, что по обе стороны красноармейца находились ещё и две многофигурные скульптурные группы. Левая группа была посвящена освобождению Владивостока от японских и американских интервентов. Правая группа – свержению царя.

Красноармеец выглядел мужественно. Кроме знамени, у него был ещё и горн. Сейчас он не казался мне воплощением справедливости. Моё мнение об отцах основателях нашего Советского государства изменилось в худшую сторону.

В Хороле я купил у китайца китайские кроссовки с эмблемой известной немецкой фирмы. Я впервые увидел китайца! Он был небольшого роста, смуглый, с чёрными прямыми волосами, – как у лошадиной гривы. Во Владивостоке я не без гордости показал кроссовки Игорю. Тот посмотрел на меня, как на глупого, и сказал: «Сто метров гарантии». Кожзаменитель потрескался на изгибах на второй день. А потом вдруг на месте изгиба образовалась дыра. Порвались нитки, соединяющие подошву с верхом. Я выкинул кроссовки через две недели.

Меня удивило большое количество китайцев. Разумеется, их было относительно много. А во времена моей юности – ни одного. Я думал, что их здесь вообще никогда не было, ошибочно считая, что история мира началась с моего дня рождения. А китайцы, оказывается, жили здесь ещё до революции! Океанский проспект во Владивостоке раньше назывался Китайский улицей.

Японцы и корейцы были представлены своими автомобилями. Такого количества иностранных машин не было даже в Москве. Казалось, вазовские автомобили можно было пересчитать по пальцам. «Волга» была представлена, похоже, в единственном экземпляре. Я однажды увидел её и удивился, как будто неожиданно встретил знакомого. А «Москвичей» я не видел ни одного. Наверное, не было таких автомобилей во Владивостоке.

Никто в это время не предполагал, что большое количество иностранных машин станет правилом. Но тогда такое количество удивило меня.

Отдых на море стал для меня приятным сюрпризом, некой премией. Море и пляж у меня всегда ассоциировались с командировками в Краснодарский край, – с черноморскими городами Анапа или Сочи. Я знал, что Владивосток расположен на берегу Японского моря, но ни о каком отдыхе на море даже не думал.

Естественно, я сразу воспользовался предоставленным мне случаем покататься в море. Рядом с моим общежитием находилась Спортивная гавань с обустроенным пляжем. Я впервые здесь увидел живые морские звёзды. Их на мелководье было настолько много, что на них можно было наступить ногой. Крупные звёзды водились в самом глубоком месте – у пирса с прогулочными яхтами. Я попробовал достать одну, но не смог.

В гостинице Спасска-Дальнего меня загрызли комары. Я

боролся с ними две ночи подряд. Искал их на потолке, окнах, стенах. Заставляя их обнаружить себя, махал полотенцем под кроватью, тряс шторы, толкал шкаф, предположив, что они спрятались за шкафом. Комары не обнаруживали себя, как будто их не было. Стоило мне выключить свет, – они сразу появлялись. Их укусы были болезненные. Тогда я решил поймать их на живца: лёг, не выключив свет, прикрыв простынею только ноги. Несколько комаров я убил, севших мне на грудь и живот. Они были маленькие, как блохи. Перебить их всех было невозможно. Они появлялись и появлялись. Я даже заткнул вентиляцию, предположив, что они прилетают оттуда. Обычно комары летают с писком, эти – молча, как с выключенным мотором. Я засыпал – и просыпался от укусов. Я устал с ними бороться. Они впервые победили меня. Я уехал из Спасска-Дальнего с чувством облегчения.

3

Чугуевка была связана со Спасским-Дальним автобусным сообщением. На склонах сопок, мимо которых мы ехали, густо росли деревья, большей частью лиственные, – ветвистые, высокие и низкие, с широкими и узкими листьями. Местные деревья отличались от наших. Я не знал, какие именно породы я видел. Наверное, какой-нибудь ясень маньчжурский, вяз японский, ильм горный, граб сердцелистный. Дальние сопки были синие. Ещё на склонах сопок были непонят-

ные обширные тёмные пятна. Этими пятнами оказались тени облаков.

Убегали назад столбики с указателями километров. Расстояние до Чугуевки медленно, но верно сокращалось. Сегодня я окажусь в посёлке моего детства, – это было так же реально, как я еду в автобусе. А мне всё равно не верилось.

В Чугуевке я посмотрю на дом, в котором жил, потрогаю его рукой, выпью воды из колодца, находящегося у нашего дома. Поднимусь на пологий холм у Синей сопки и посмотрю с него на Чугуевку.

Мы въехали в село. Я с недоумением не узнавал села, как будто оказался здесь впервые. Синяя сопка должна быть с левой стороны. Военный городок, находившийся на окраине села, тоже был слева. Я сидел с правой стороны. Разглядеть что-нибудь слева мне мешали попутчики. Я не увидел ни Синей сопки, ни перекрёстка с дорогой к военному городку. Впечатление не соответствовало реальности: у меня было странное ощущение, что я оказался не в Чугуевке.

Я вышел из автобуса. Поглядел по сторонам, ища Синюю сопку, и удивился, не увидев вообще никаких сопкок! Село, казалось, находилось на бескрайней равнине. А из центра села я не увидел бы, наверное, даже Эльбруса, если бы эта знаменитая гора находилась поблизости. Меня окружали высокие дома, заслонявшие обзор.

Я поселился в гостиницу, пообедал в ресторане. Название гостиницы и ресторана отражали местный колорит: го-

станица называлась «Тайга», ресторан – «Кедр». И не без волнения отправился в военный городок. Я настолько свыкся с мыслью, что больше никогда не увижу его, что его посещение мне по-прежнему казалось нереальным событием.

Меня приятно волновали даже самые незначительные воспоминания. Например, я вдруг вспомнил, что можно пройти короткой дорогой – наискосок. Воспоминание о давно забытом коротком пути пришло ко мне неожиданно, как вспышка, и доставило настолько сильное удовольствие, что я даже удивился.

Короткий путь мне запомнился мостиком через какой-то ручей. Однажды зимой мы с матерью пошли короткой дорогой. Мостик был до того причудливо обледенелый, что казался вырубленным из льда искусным скульптором. Он напоминал иллюстрацию нереальной картинке из красивой сказки.

Мне сразу захотелось посмотреть на мостик и ручей. Я решил пройти короткой дорогой в другой раз. Искать короткий путь – означало блуждать, обращаться за помощью. Не желая блуждать, я пошёл дальней дорогой, центральной. Сначала мне надо посмотреть на свой дом, а потом – всё остальное.

Наш дом был самый обыкновенный, – одноэтажный, рассчитанный на две семьи, с печным отоплением, завалинкой с опилками, в которой жили большие жирные мокрицы, окаменевшей, растрескавшейся замазкой на рамах окон.

Я шёл в направлении обратному тому, которому приехал.

С левой стороны дороги я обнаружил музей Александра Фадеева. Этого музея не было во времена моей юности. Я сначала предположил, что музей построили на месте его родительского дома. А его родительский дом оказался дальше, тоже по левой стороне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.